

НИКОЛАЙ ГЕЙНЦЕ

ПОД ГНЕТОМ
СТРАСТИ

Николай Гейнце
Под гнетом страсти

«Public Domain»

1898

Гейнце Н. Э.

Под гнетом страсти / Н. Э. Гейнце — «Public Domain», 1898

«В теплый июньский день 1895 года я сидел на террасе красивого двухэтажного дома, в одной из пригородных дачных местностей Петербурга и с нетерпением смотрел на дверь, ведущую в комнаты. Вдруг у самой террасы в саду послышался звонкий детский голос, и через минуту на террасу вбежала девочка с каштановыми локонами и огромными карими глазами. Ее правильное, точно отлитое из мрамора личико навяло на меня целый рой воспоминаний. Я болезненно вскрикнул и протянул обе руки к ребенку...»

Содержание

Вместо пролога	5
Часть первая	6
I. В «Аквариуме»	6
II. Анжель	9
III. Один из многих	12
IV. В пансионе	15
V. На ферме	18
VI. Мать и дочь	21
VII. Сон	24
VIII. Наяву	27
IX. «Он»	30
X. В Облонском	33
XI. Две сестры	36
XII. Наперсник	39
XIII. Особое поручение	41
XIV. Бал в Облонском	43
XV. Письмо	47
XVI. Дочь тайны	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Николай Гейнце

Под гнетом страсти

Вместо пролога

В теплый июньский день 1895 года я сидел на террасе красивого двухэтажного дома, в одной из пригородных дачных местностей Петербурга и с нетерпением смотрел на дверь, ведущую в комнаты.

Вдруг у самой террасы в саду послышался звонкий детский голос, и через минуту на террасу вбежала девочка с каштановыми локонами и огромными карими глазами. Ее правильное, точно отлитое из мрамора личико навело на меня целый рой воспоминаний. Я болезненно вскрикнул и протянул обе руки к ребенку.

Девочка на секунду остановилась, но затем доверчиво подошла ко мне. Я притянул ее к себе и, посадив на колени, начал жадно всматриваться в ее черты.

– Она, совсем она! – невольно прошептал я и, спустив девочку с колен, задумался.

На ступенях лестницы, ведущей на террасу, показалась няня.

– Юля, Юленька, – позвала она девочку, – мама идет, беги к ней навстречу.

Затем, обратившись ко мне, она сказала:

– Барыня сейчас будет здесь.

Взяв ребенка за руку, она ушла.

Я вскочил... Сердце мое сильно билось. Я хотел спуститься с террасы, но на нее уже входила стройная молодая женщина с такими же, как у ребенка, тонкими чертами лица и большими глазами. На ней было надето белое вышитое платье, ее изящная головка скрывалась под легкой итальянской широкополой шляпой.

– Сколько лет, сколько зим! Боже мой, как я рада вас видеть!

Она крепко, по-мужски, пожала мою руку.

– Вы давно здесь, я, кажется, заставила себя ждать... Садитесь, пожалуйста...

Я сел.

– Ну, как вы поживаете... Что делали?... Рассказывайте.

Я смотрел на ее дышащее здоровьем и счастьем лицо, на ее стройную фигуру и не находил слов для ответа.

– Как здоровье вашего мужа? – наконец спросил я.

– Он здоров и весел... Все хорошо! А сколько пережито? Не правда ли?

Ее лицо покрылось дымкой грусти.

– Да.

Вскоре явился и муж, довольный, счастливый...

Я пробыл у них почти целый день.

Он показался мне мигом в этом счастливом уголке.

«Вот где царит истинная, чистая супружеская любовь... – думал я. – Здесь нет страсти, под гнетом которой погибло столько людей, бессознательно создавших этот храм чистой любви».

Уже смеркалось, когда я уезжал от них. Отъехав от дома, Я оглянулся. На террасе, освещенной лампой под пунцовым абажуром, стояли он и она. Он держал ее за талию, а ее голова лежала на его плече. Красноватый отблеск лампы падал на них.

«Кровь, кровь!», – мелькнуло в моем уме.

Их счастье действительно было обрызгано кровью, но они в ней не были повинны... История их любви стоит быть рассказанной. Я расскажу ее...

Часть первая Мечты и грезы

І. В «Аквариуме»

Был чудный майский вечер 189* года. Огромный театр «Аквариум», один из излюбленных летних петербургских уголков, был переполнен.

Партер почти сплошь был занят постоянными посетителями, представителями столичной золотой молодежи, до безразличия похожими друг на друга: костюмами, прической, модной, коротко подстриженной бородкой a la Boulanger и даже ничего не выражающими шаблонными физиономиями; юными старцами с лоснящимися, как слоновая кость, затылками; редакторами ежедневных газет и рецензентами.

В ложах роскошной гирляндой развевалась целая плеяда представительниц женской половины веселого Петербурга – «этих дам», которые встречаются везде, где только можно показать себя и посмотреть людей.

На сцене шла новая оперетка, и кроме того приманкой служила «парижская дива», начавшая, как утверждали злые языки, свою карьеру в полпивных Латинского квартала, перешедшая оттуда в заурядный парижский кафе-шантан, с подмостков которого прямо и попала на сцену «Аквариума» в качестве «парижской знаменитости», имя которой крупными буквами было напечатано на афишах.

Одна из лож была занята исключительно мужчинами; их было пятеро, и их веселость и развязность красноречиво говорили, что они залили свой холостой обед, быть может и фальсифицированными, но, наверное, крепкими винами.

Первый акт уже подходил к концу, но почти все сидевшие в ложе не обращали на сцену никакого внимания, видимо, приехав не для пьесы, а для того, чтобы как-нибудь и где-нибудь убить время.

Только двое из этой компании резко отличались от своих сотоварищей – истинных типов юных кутящих петербургских пижонов.

Первый был человек, которому на вид казалось лет за сорок, с серьезным выражением умного лица, пронизательным взглядом серых глаз, смотревших сквозь золотые очки в толстой оправе, с гладко выбритым подбородком и небольшими, но густыми усами и баками. Он был светлый шатен, и легкая, чуть заметная седина пробивалась на висках его гладко зачесанных назад без пробора волос.

Это был доктор Петр Николаевич Звездич, известный среди петербургской золотой молодежи, в кругу которой постоянно вращался, под именем «нашего доктора».

Его обширная практика, доставившая ему обеспеченное состояние, состояла преимущественно из пациенток: дам и девиц высшего петербургского света и полусвета. Взяв очень дорогую плату с первых, он не отказывал порой в даровой помощи и безвозмездных советах «начинающим» из вторых, если предвидел, что им предстоит блестящая будущность.

Он знал в подробности все светские интриги и историю почти каждой из звездочек полусвета, и о нем говорили шутя, что если бы он захотел, то мог бы написать такую скандальную хронику, от которой бы содрогнулось даже петербургское общество. Но доктор Звездич умел молчать или, вернее, говорить кстати. Он не мог быть назван скрытным, но и никогда не говорил того, что могло бы скомпрометировать тех, кто не должен был быть скомпрометированным, и таким образом не вызывал вражды к себе людей, жизнью которых он жил.

В общем, это был «славный малый» и, кроме того, под маской бесшабашного вивера скрывал много научных сведений, большой практический ум, замечательный такт и даже доброе сердце.

Второй, сидевший рядом с ним и также отличавшийся от остальных, был молодой человек лет двадцати шести, с красивым и в высшей степени интеллигентным лицом.

С первого взгляда можно было заметить, что он далеко не «завсегдатай» этой компании кутил, занимающихся лишь глупым прожиганием жизни и безумными тратами средств, доставшихся им благодаря трудам или талантам их отцов. Виктор Аркадьевич Бобров – так звали его – приходился племянником доктору Звездичу и, несмотря на то, что не прошло и четырех лет, как он кончил курс в Технологическом институте, занимал уже хорошее место на одном из казенных заводов Петербурга.

Намереваясь покинуть столицу на несколько недель, он приехал проститься с доктором Звездичем, а тот повез его обедать к Кюба, а оттуда в «Аквариум», где молодому человеку пришлось невольно услышать малопонятный для него разговор между остальными тремя совершенно случайными его знакомыми, с которыми доктор за несколько часов перед тем встретился в ресторане и которым представил его.

– Посмотрите, – сказал один из них, рассматривая, прищурившись, единственную пустую ложу, находившуюся напротив, – Анжель еще не приехала.

– Но ведь только кончается первый акт, – ответил другой, – она никогда не приезжает ранее половины второго, именно в тот момент, когда это производит всего больше эффекта.

– Кстати, кто теперь ее повелитель или, лучше сказать, раб? Кажется, этот несчастный Гордеев, разоренный вконец, уезжает в Ташкент.

– Совершенно верно.

– Не долго же он продержался!

– Что поделаешь? Эта наша общая участь! – заметил фатовато самый юный из собеседников.

– О, только не вам предстоит эта участь! – перебил доктор. – Анжель любит, чтобы игра стоила свеч, любит заставлять о себе говорить...

– Однако, если бы я предложил свои услуги! – надменным тоном возразил юноша.

– Она бы вам ответила, как одному из моих приятелей: «Приходите тогда, мой милый, когда у вас умрет дядюшка!»

Не дожидаясь ответа, Звездич обратился к Виктору Аркадьевичу:

– Ты уезжаешь завтра?

– Да, у меня месячный отпуск.

– Куда же ты едешь?

– По обыкновению, в Москву, а оттуда в подмосковное имение князя Сергея Сергеевича Облонского. Там я должен встретиться с графом Львом Ратицыным, который уехал вчера вечером.

– К Облонскому? – вмешался в разговор один из трех франтов.

– Да! Вы его знаете?

– Кто же его не знает! – вставил снова самый юный из франтов.

– Облонского знает весь Петербург, авторитетно подтвердил первый, спросивший о князе. – Но скажите, пожалуйста, что он поделывает, этот молодящийся старец? Вот уж года два, как его положительно нигде не видно.

– Он, вероятно, остепенился, – заметил другой пшют. – Когда нет более зубов, то поневоле перестанешь щелкать орехи.

– Если нет своих зубов, то есть вставные, – отвечал доктор, смеясь, – прекрасное средство! Впрочем, вы не шутите насчет князя Облонского, вам никогда не удастся быть таким молодым, как он, несмотря на то что ему пятьдесят лет. Верьте мне как доктору, что старость

зависит не от количества лет, и не жалуйтесь на отсутствие князя. Когда ему придет в голову снова явиться между вами, он сумеет всех женщин привлечь к себе, и вы увидите, попомните мое слово, что в один прекрасный день он явится с какой-нибудь молоденькой и хорошенькой девушкой и даст ей ход, как и многим другим.

– В качестве покровителя?

– Нет, в качестве счастливого любовника!

– Пусть! В конце концов это будет на руку нам, молодым.

– Если вы только все не умрете раньше его! – серьезным тоном заметил Звездич.

В это время в театре раздался шепот и все взоры устремились на ложу, остававшуюся до сих пор пустой.

В ней появилась дама.

Остановясь на минуту и окинув равнодушным взглядом весь театр, она небрежно опустилась на передний стул и, опершись локтем на борт ложи, принялась лорнировать публику, видимо, нисколько не интересуясь пьесой, второй акт которой только что начался.

– Вот и Анжель! – шепнули друг другу молодые люди.

– Она сегодня раньше обыкновенного! – заметил Петр Николаевич. При этих словах Виктор Аркадьевич повернул голову по направлению к ложе, где сидела та, о которой шла речь, и был поражен оригинальной красотой прибывшей.

Большие черные миндалевидные бархатные глаза, тонкие темные ресницы резко выделялись на матовой белизне лица с правильными красивыми чертами. Несколько выпуклый лоб, окаймленный густыми красновато-золотистыми волосами, оригинальность прически которых увеличивалась небрежно вколотой в них с правой стороны звездой из крупных бриллиантов чистой воды.

Она была без шляпки и вошла в ложу в широком плаще с капюшоном, который и был накинута на голову.

Войдя, она небрежно откинула его.

Изящный туалет на ее высокой гибкой и грациозной фигуре носил отпечаток какой-то изящной, но вместе с тем и вызывающей небрежности.

Выражение ее красивого лица было спокойно до величественности.

Она была, по обыкновению, вся в черном.

На ее высокой груди горела другая бриллиантовая звезда, немного более той, которая украшала ее волосы, и две миниатюрные звездочки блестели в ее розовых ушках.

Бобров смотрел на эту «рыжую красавицу» с нескрываемым восторгом.

– Что? Хороша? – спросил доктор, наклонясь к его уху.

– Кто эта женщина? – прошептал тот.

– Да ведь это Анжель! – просто отвечал Звездич.

– Анжель! – с недоумением повторил громко Виктор Аркадьевич.

Это имя ничего не говорило и ничего не объясняло серьезному деловому человеку.

Три их компаньона, заметив его недоумение, громко расхохотались, не заботясь о том, что мешают ходу пьесы и не обращая ни малейшего внимания на энергичное шиканье по их адресу со стороны публики.

Их смех как бы говорил: откуда взялся он, если не знает Анжель?

Бобров покраснел до корней волос.

II. Анжель

– Пусть их смеются, – шепнул на ухо молодому человеку Петр Николаевич, – а ты благодари Бога, что не знаешь ее!

– Объясни мне...

– После, а теперь послушаем пьесу, она глупа до смешного.

Водворилось молчание, и через полчаса опустился занавес – второй акт окончился.

Во время восторженных вызовов «парижской дивы» наши три франта вышли из ложи и оставили Звездича с Бобровым вдвоем.

Анжель, между тем, кланялась направо и налево с движением руки или улыбкой; ложа же ее стала наполняться теми постоянными посетителями первых рядов, как милости, с глупой улыбкой на устах искавшими благосклонного взгляда ее темных глаз.

Она казалась королевой среди своих придворных.

Виктор Аркадьевич, не перестававший на нее смотреть, обратился к доктору:

– Скажи же мне, кто эта женщина?

– Разве ты этого не видишь?

– Догадываюсь...

– Знаешь, сколько ей лет? – спросил Звездич.

– Это вполне расцветшая женщина, ей на вид лет двадцать пять.

– Да, действительно, хотя по метрическому свидетельству ей уже около сорока, но и это неправда – ей четыре тысячи лет.

– Четыре тысячи! – засмеялся Бобров.

– Ни более, ни менее, мой друг! Она носила массу названий, массу костюмов, говорила на всех языках Вавилонского столпотворения, но это все та же женщина: гетера, куртизанка, лоретка, содержанка, кокотка горизонталка; Фрина, Аспазия, Империя, Армида, Цирцея, Ригольбош или Анжель. Это кровопийца, женщина веселья, опустошающая карманы и притупляющая умственные способности – ее сила в животной стороне человека.

– Есть исключения! – пробормотал Виктор Аркадьевич.

– Черт возьми! Я это знаю – одно есть в сто лет. Они на счету, эти исключения. Истинная любовь – это высокое, прекрасное, благородное чувство, удел людей с возвышенным сердцем и умом – так редка, что в продолжение целых веков сохраняются и записываются в народной памяти и истории человечества наряду с величайшими гениями имени избранников судьбы, умевших любить всем сердцем, всей душой, умевших жить своею любовью и умереть за нее.

– Однако, – перебил его Бобров, – какая поэзия, я не предполагал в тебе столько сентиментальности.

Петр Николаевич пропустил мимо ушей это замечание и продолжал:

– Любовь же к этой женщине – яд, и яд самый смертельный. Любить эту женщину и быть ею любимым – это отравка, принимаемая в малой дозе. В этом случае можно отделаться легким одурением, несколькими непродолжительными припадками сумасшествия, но зато сколько разочарования в себе и в других! Любить же ее без взаимности – это разорение, позор и... смерть!

– Однако у нее не такой свирепый вид, напротив, она кажется чрезвычайно милой, добродушной... – заметил Виктор Аркадьевич.

– Наружность обманчива вообще, наружность же красивой женщины по преимуществу. Вот уже десять лет, как я знаю ее – я ее доктор. У нее было десять любовников. Последний из них, как тебе только что говорили, уезжает в Ташкент; этот еще кончил лучше других. У нее большое состояние, но все знают, ценою скольких человеческих жизней оно обошлось...

– И с такой славой она еще находит жертвы, поклонников...

- Сколько угодно! – с насмешливой улыбкой сказал доктор.
- По твоему описанию, это просто какое-то чудовище.
- Не совсем... может быть, у нее оскорбленное сердце, которое мстит и платит злом за зло!
- Это еще, пожалуй, лучше! – тихо сказал Виктор Аркадьевич. – Конечно, это ее извинить не может, но, по крайней мере, многое объясняет...
- Я старался добиться ее тайны, – продолжал Петр Николаевич, – но она скрытна и молчалива, как могила.
- Была ли у нее по крайней мере истинная страсть в жизни?
- Насколько мне известно – никогда! Так, какой-нибудь каприз на время – это самое большое, да и то...
- Она замечательно хороша! – как бы про себя произнес Бобров, не спуская глаз с Анжель.
- Не смотри на нее слишком долго, ты можешь попасться...
- Я?.. Полно! – с уверенной улыбкой отвечал молодой человек. – Я застрахован, я уже люблю!
- Гм! – промычал Звездич, не совсем этим успокоенный.
- К тому же, – продолжал Бобров, – у меня всегда было какое-то омерзение к подобному извращению любви – к женщинам, которые составляют достояние всех.
- В тебе много чувства и страсти! – сказал его собеседник, окидывая его докторским взглядом.
- Вот именно, это меня и спасает. Мне необходимо верить в ту, кого я люблю... а этим существам разве можно верить? Признаюсь только, мне очень интересно с чисто философской точки зрения знать, о чем может думать эта женщина?
- Кто может когда узнать, о чем думает женщина? Приход их компаньонов по ложе прекратил эту беседу.
- Оркестр заиграл перед третьим актом.
- Ужинать где будем? – спросил один из вошедших, обращаясь к доктору и Боброву.
- Я никак не могу, – отвечал последний. – Я завтра уезжаю, и мне нужно рано вставать. Я думаю даже поехать сейчас домой, не дождавшись окончания пьесы...
- В таком случае и я поеду с тобой, – сказал Петр Николаевич.
- Он встал и, простившись с молодыми людьми, вышел в сопровождении Виктора Аркадьевича.
- Выйдя через коридор в буфетный зал, он остановился. Мимо него шла к выходу Анжель. Она заметила доктора и сделала ему знак рукой. Он тотчас же подошел к ней и поклонился с таким почтением, с каким вообще благовоспитанный человек считает долгом кланяться женщине, кто бы она ни была.
- Бобров остался дожидаться в некотором расстоянии от них.
- Вы уже уезжаете? – спросила она.
- Да и вы, кажется, собираетесь сделать то же самое, если я не ошибаюсь.
- Я устала и еду домой! А вы куда-нибудь ужинать?
- К себе.
- Значит, продолжаете быть благоразумным?
- Это необходимо, чтобы лечить неблагоразумных.
- Лечить – не значит вылечивать! – сказала она смеясь.
- Уж не подозреваете ли вы, что я их убиваю? – тем же тоном ответил доктор. – Впрочем, в некоторых случаях это было бы милостью.
- Пожалуй, да! – сказала она беззаботно. – Кто этот молодой человек, который вас ожидает и которые был с вами в ложе? Я его не знаю!

– И надеюсь, никогда его не узнаете!

– Тем лучше для него! – засмеялась она. – До скорого свидания, доктор, впрочем, на этих днях я уезжаю...

Она поклонилась ему фамильярным движением головы и направилась через зимний сад к выходу.

Там ждал ее лакей в богатой ливрее. Он усадил ее в поданную шикарную коляску, запряженную парой кровных лошадей.

– На Морскую! – сказала она, грациозно откинувшись на подушке экипажа.

III. Один из многих

Несмотря на то что Анжель, эта, как уже, без сомнения, догадался читатель, первоклассная звезда петербургского полусвета, недели с две, как переехала на свою прелестную дачу на Каменном острове, буквально утопавшую в зелени, окруженную обширными цветниками, с фонтаном посередине, с мраморными статуями в многочисленных и изящных клумбах, с громадной террасой, уставленной тропическими растениями, с убранными внутри с чисто царской роскошью, начиная с приемной и кончая спальней, комнатами – она приказала кучеру, как мы уже знаем, ехать на свою городскую квартиру.

Последняя, остававшаяся круглый год во всей своей неприкосновенности, с особым штатом прислуги, находилась в бельэтаже одного из домов Большой Морской улицы и состояла из девяти комнат, убранных так, как только может придумать причудливая фантазия женщины, обладающей независимым состоянием, тонким вкусом и при этом не знающей цены деньгам; словом, этот храм Афродиты, как называли квартиру Анжель петербургские виверы, напоминал уголок дворца Алладина из «Тысячи и одной ночи».

– Это очень понятно, – замечали остряки по поводу последнего сравнения, – вся обстановка квартиры и приобретена ценою никак не меньше тысячи и одной ночи.

Приехав домой, Анжель с помощью горничной переменяла платье и накинула на себя капот из легкой китайской белой фанзы, сплошь обшитый кружевными воланами.

– Завтра с курьерским я уезжаю в Москву, приготовьте мой дорожный костюм и все необходимое. Я пробуду там несколько дней, – сказала она камеристке. – Ни сегодня, ни завтра не принимать никого!

– Слушаю-с! – отвечала та.

Анжель прошла в кабинет, отперла изящное бюро, вынула из него массивный портфель и села к письменному столу.

Раскрыв портфель и достав из него какие-то бумаги, она стала их просматривать. В передней раздался звонок. Анжель вздрогнула.

«Кто бы это мог быть в такой час?» – пронеслось в ее уме.

– Владимир Геннадьевич Перелешин, – вошла горничная передать доклад лакея, – он непременно просит его принять.

Анжель слегка нахмурила брови и, казалось, с минуту колебалась.

– Хорошо, просите! – сказала она отрывисто.

Когда горничная удалилась, она вернулась в спальню, достала из маленькой дорогой и элегантной, но прочной шифоньерки за полчаса положенный туда небольшой бумажник черной кожи с золотой монограммой и опустила его в карман.

Сделав все это, она с тем же угрюмым и несколько суровым выражением лица, не покидавшим ее с самого приезда, прошла в маленькую гостиную, где ожидал ее поздний гость.

Владимир Геннадьевич Перелешин был мужчина лет тридцати или тридцати пяти, худощавый, с истомленным неправильною жизнью лицом.

Чувственный рот с приподнятыми углами губ придавал этому лицу неприятное выражение, хотя Перелешин далеко не был уродом и даже мог считаться недурным собою.

Форма его лба доказывала ум, длинный тонкий, но с подвижными ноздрями обличал хитрость и чувственность.

Одет он был безукоризненно.

Увидав входившую Анжель, он пошел к ней навстречу с любезною, хотя и фамильярною улыбкой частого гостя.

– Я вас побеспокоил, моя дорогая? – спросил он ее.

– Да, я занята!.. – резко отвечала она, не поклонившись и не подав ему руки.

– О, я вас долго не задержу. Я пришел...
– За деньгами?.. – перебила она презрительным тоном.

Перелешин улыбнулся.

– Какая вы угадчица!

Анжель пожала плечами.

– Сколько вам? – спросила она.

– Мне очень нужны деньги... Дайте мне тысячу рублей.

– Сегодня уже тысячу!

– В счет будущего.

– Какого будущего? – отрывисто спросила она.

– Господи! С моим именем, в мои лета, с представительной наружностью, развитым умом и отсутствием способности чувствовать угрызения совести всегда можно рассчитывать на будущее, – отвечал он.

– Вы ошибаетесь, если предполагаете, что мне это наконец, не надоест, – заметила Анжель.

– Какие-нибудь несчастные десять радужных вас не разорят! Притом вам известна моя преданность. Ведь я далеко не неблагодарный. Я, который служу вам верой и правдой. Я могу вам оказать много услуг, я уж вам это доказал...

Он окинул ее испытующим взглядом. Она молчала.

– Я проигрался, – продолжал он.

– Вы?.. Это меня удивляет.

– Мне не везло...

– Верно, за вами очень внимательно наблюдали?

– К чему эти шпильки? Если я не заплачу в назначенный срок... то я пропаду, потеряю всякий кредит...

– Да, – медленно заговорила она, – нужно уметь прятать концы в воду! Но вы отлично устроились и, не имея ни гроша за душой, живете так, как будто получаете, по крайней мере, тысяч двенадцать ежегодного дохода. Без вас не обходится ни одно удовольствие, ни один ужин, ни один пикник. Вы бываете в клубах, играете по большой и вообще... выигрываете. В трудные же минуты вы не забываете меня... Все это дает вам возможность бывать в свете, и не все из порядочных людей решаются не подать вам руки.

– Так что я могу быть иногда полезным другим... – с ударением отвечал Владимир Геннадьевич, – хотя бы в качестве охотничьей собаки, отслеживающей дичь... или верного друга...

Он посмотрел на нее в упор вызывающим взглядом...

– Хорошо сказано! – промолвила она, не обратив внимания на этот взгляд. – Вы не лишены остроумия, мой друг, а я всегда имела слабость к умным людям – они приятное явление между болванами.

Она вынула из кармана бумажник, отсчитала из него десять радужных и передала Перелешину.

Он спокойно взял их и приблизил руку Анжель к губам изящным движением светского человека.

– Не будет ли каких приказаний? – спросил он.

– В настоящую минуту никаких.

– Прощайте.

Он поклонился и вышел.

Анжель возвратилась снова в кабинет к своим прерванным занятиям.

На другой день, к восьми часам вечера, она была уже одета в дорогое, но совершенно простое платье, скромную черную шляпку с густой вуалью, и в этом костюме никто бы не узнал вчерашней Анжель. На медных дощечках, прикрепленных к крышкам изящных дорож-

ных сундука и чемодана, вынесенных в коляску, ожидавшую ее у подъезда, были вырезаны имя, отчество и фамилия их владелицы: Анжелика Сигизмундовна Вацлавская.

IV. В пансионе

За несколько дней до описанных нами в трех предыдущих главах событий в большой приемной аристократического пансиона в Москве сидели и разговаривали две молодые девушки.

Была вторая половина мая, одного из самых лучших месяцев нашего северного климата.

Солнце мягко, но ясно светило, воздух был чист и свеж, шелест деревьев, нарядно одетых свежей листвой, веселое щебетание птичек сливались в одну гармоническую песнь наступившей весне.

Пансион, находившийся почти на окраине города, был окружен обширным садом.

Окна приемной были открыты.

Одна из этих молодых девушек была блондинка с большими голубыми глазами, овальным личиком и хорошеньким ротиком; на тонких чертах ее нежного лица лежал отпечаток какой-то меланхолии, даже грусти.

Ее уже почти совершенно сформировавшаяся фигура принадлежала к тем, которые способны придавать особое изящество даже самому простому костюму, так что скромная пансионская одежда – коричневое платье и черный фартук – казалась на ней почти нарядной.

Ей было лет семнадцать, звали ее Ирена Вацлавская.

Ее подруга, княжна Юлия Облонская, была смуглая брюнетка, с ясной улыбкой и ослепительно белыми зубами. Она была почти одного возраста с «Реной», как звала она свою приятельницу. С недавних пор между ними завязалась тесная дружба – одно из тех живых чувств, которые часто пробуждаются в сердцах расцветающих девушек. Они точно переполнены в этот период избытком нежности, стремящейся вырваться наружу и выражающейся в дружбе, за неимением лучшего.

Уже несколько дней, как начались каникулы, а молодые девушки еще оставались в пансионе, откуда, впрочем, сегодня же утром их должны были взять, но далеко не при одинаковых условиях.

Княжна Юлия накануне получила письмо от своего отца, князя Облонского, уже из подмосковного имения, где князь, постоянно живший в Петербурге или за границей, проводил это лето. Он уведомлял дочь, что на следующий день заедет за ней.

Ирена же ждала в этот день свою старую няню, которая также должна была увезти ее на ферму, отстоящую верстах в двенадцати от Москвы и в полуверсте от одной из ближайших к первопрестольной столице станций Нижегородской железной дороги.

Чемоданы и сундуки были готовы, молодые девушки считали минуты, оставшиеся до момента отъезда и разлуки.

В то время, когда глазки Юлии горели радостью в надежде на скорую свободу и на губах ее блуждала счастливая улыбка, Ирена была грустна и задумчива.

– Что это значит? – допытывалась у нее Облонская. – Вместо того чтобы радоваться предстоящей нам свободе, ты почти печальна.

– Чему же мне радоваться? – отвечала Вацлавская.

– Что же может быть лучше свободы? Мне можно будет сколько угодно гулять по парку, примерять массу новых нарядов и даже амазонку, о которой мне писала сестра, хотя это сюрприз со стороны папа: устраивать кавалькады и скакать по полям и лугам. Катание верхом – моя страсть. Увидеться с моей сестрой и ее мужем. Они исполняют все мои желания. Это праздник, истинный праздник. К несчастью, он недолго продолжится, и не оглянешься, как наступит август, возвращение в пансион. *Mesdemoiselles, tenez vous droit*¹ и опять эти противные уроки...

¹ Барышни, стойте прямо (*франц.*).

– Да, ты возвращаешься к своим, тебе хорошо! – прошептала Ирена, подавляя вздох.

– А ты разве едешь не к своим?

– Ты знаешь, что нет... Я еду на ферму, в совершенную деревню, к моей старой няне. Вместо парка у меня будет большая проезжая дорога и окрестные уединенные леса; вместо общества – работники и работницы фермы да деревенские парни и девушки ближайшего села; вместо развлечения – право ничего не делать и мечтать, глядя на лучи восходящего и заходящего солнца, при печальном безмолвии пустынных далеких полей, сливающихся с горизонтом.

– А твоя мать?

– Она в Петербурге.

– Ты и в этом году к ней не поедешь?

– Ни в этом, ни в будущем.

– Отчего же?

– Она много путешествует... Ей нужно, как она мне говорила, привести в порядок запутанные дела по наследству, а так как ей со времени смерти моего отца, которого я не знала, приходится одной ими заниматься, то она и не может меня взять к себе... Я стесню ее...

– Бедная моя! – воскликнула Юлия и в порыве нежности поцеловала ее в лоб.

– Ты никогда не была в Петербурге?

– Никогда. Там хорошо, не правда ли?

– О, прекрасно! Я обыкновенно, провожу там Рождество и святки у своей сестры Нади. Меня бы отдали там и в пансион, если бы не желание моей покойной матери, у которой, когда она была девочка, начальница нашего пансиона была гувернанткой. О, для меня это время непрерывных удовольствий: балов, концертов, вечеров, приемов, прогулок по Невскому проспекту, широкой красивой улице, сплошь занятой роскошными магазинами.

– И все это в продолжение двух недель! – возразила Ирена.

– Это еще не все. Я не считаю посещения этих магазинов, откуда выходишь точно опьяненная от всех чудес из шелка, бархата и кружев. Видишь ли, та *chère*, в Петербурге живут вдвое, втрое скорее, чем в провинции и даже в Москве, там каждая минута так наполнена, что кажется часом, час днем, а дни неделями.

– Ах, какая ты счастливая! – еще раз вздохнув, сказала Ирена, заразившаяся восторженностью своей подруги и, конечно, не имея возможности разобраться во всем том, что воображение молодой девушки, а также желание блеснуть перед собеседницей, прибавляло к действительности.

– Но если твоя мать приезжает тебя навещать, то почему же ты не можешь попросить ее свезти тебя в Петербург хотя на несколько дней?

– Я уже об этом просила, но она отказала... У нее еле хватает времени уделить для меня несколько часов – иногда, впрочем, один, два дня...

– И это все? – с удивлением спросила Юлия.

– Все!

Водворилось минутное молчание.

– Однако, – начала Облонская, – это не может так вечно продолжаться. Ты уже взрослая, как и я, еще год – и придется нас взять из пансиона.

– Да, я надеюсь... А пока мне приходится довольствоваться прелестями деревенской жизни и уединением Покровского, – с горечью сказала Ирена.

– Мне знакомо название этого села, оно недалеко от нашего имения Облонского.

– Всего в пяти верстах, я знаю дорогу... Я по ней не раз ходила с моей няней! Мы проходили через весь Облонский лес.

– Ну вот! В нем-то мы и устраиваем пикники. Едем целой кавалькадой, я обыкновенно верхом с мужем моей сестры. Иногда нас сопровождает Виктор Аркадьевич.

– Кто этот Виктор Аркадьевич? Первый раз я слышу от тебя это имя.

– Это некто Бобров, очень хороший молодой человек, – сказала Юлия, слегка краснея, – он технолог. Два года тому назад он спас жизнь моему зятю, графу Льву Ратицыну, когда он чуть было не утонул. Понятно, что с этого дня Лева стал с ним очень дружен, так же как моя сестра Надя... и я... Ты понимаешь... чувство благодарности... Он живет и служит в Петербурге... но летом берет отпуск и приезжает недели на две в Облонское... Папа также его очень любит, хотя он и не дворянин... Мой отец обращает очень большое внимание на происхождение человека и тех, кто не принадлежит к дворянству, не ставит ни во что... Мы всегда с ним ссоримся по этому вопросу, и он меня даже прозвал революционеркой и демократкой. О, если бы ты могла участвовать с нами в наших прогулках... Это бы еще более увеличило мое удовольствие!

Все это было сказано с такой поспешностью и таким тоном, которые придают болтовне молодой девушки сходство с щебетанием птички.

– А меня, – заметила Ирена, становясь все грустнее и грустнее, – вместо роскошного дома с мраморными лестницами, прекрасных садов с чудными цветниками, обширного тенистого парка ожидает большая ферма с крышей, покрытой простыми черепицами, загроможденная дворами, где кричат утки, огород, где нет других цветов, кроме бобов, да и то не турецких! Там я буду одна, считая часы, сожалея о наших шумных рекреациях, не имея ни малейшей возможности изменить это однообразие, осветить эту тьму, кроме короткого свидания с моей дорогой матерью.

Крупные слезы блеснули на длинных ресницах молодой девушки.

– Полно, не плачь! – вскричала Юлия. – Я по глупости тебе все это наговорила! Если бы я могла тебя взять с собою... Но как это сделать? Мой отец не знает твоей матери... А то я была бы так рада... потому что я очень люблю тебя...

Подруги крепко поцеловались.

В эту минуту дверь в приемную открылась и одна из классных дам показалась на пороге.

– Mesdemoiselles, за вами приехали, – сказала она им.

– Папа? – спросила Юлия.

– Нет, прислан экипаж, и лакей передал мне, что князь сам приехать не мог, его задержал в именье приезд графа и графини Ратицыных.

– А, моя сестра, тем лучше!

– А за мной приехала мама? – в свою очередь спросила Ирена.

– Нет, ваша няня!

Лицо молодой девушки омрачилось, несмотря на то, что она и не ожидала иного ответа и спросила совершенно машинально.

Обе подруги тотчас же отправились к начальнице, с которой и простились до нового учебного года, между тем как на дворе укладывали их сундуки и чемоданы.

За княжной Облонской прислали великолепную коляску, запряженную парой кровных лошадей. Няня же Вацлавской приехала в скромном крытом тарантасике.

На дворе молодые девушки снова принялись обниматься.

Обе плакали.

Юлия, действительно любившая Ирену, забыла ожидавшие ее удовольствия и вся отдавалась горести разлуки.

На нервные натуры отъезд всегда производит тяжелое впечатление. Не является ли он отчасти прообразом смерти? Уехать – не есть ли это умереть для всего и всех, что и кого оставляешь? Кто знает, при разлуке даже на самый короткий срок, придется ли увидиться снова и будет ли свидание столь же радостно.

Княжна первая уселась в экипаж, который быстро умчали кровные кони.

На повороте со двора она послала последний воздушный поцелуй Ирене, которая стояла рядом со своей няней и махала платком.

V. На ферме

- Что это ты невесела, Рена? – сказала приехавшая за Вацлавской ее няня.
- Почему это тебе кажется?
- Да ты еле со мной поздоровалась.

Говорившая была высокого роста полная женщина на вид далеко не старая, несмотря на то, что такой эпитет давала ей ее юная воспитанница. Одетая она была небогато, но очень чисто – вся в черном, в черной же старушечьей шляпе на голове, с гладко причесанными густыми темно-каштановыми с проседью волосами. По типу лица и акценту она казалась нерусской.

Она действительно была по происхождению полькой, но совершенно обрусевшей. Звали ее Ядвигой Залесской. Несмотря на чрезвычайно бодрый, молодцеватый вид, ей было уже за шестьдесят.

Вынянчив мать Ирены, Анжелику Вацлавскую, исколесив с ее матерью, которая была артисткой, почти всю Европу, она и после смерти последней не теряла из виду Анжелику, которая воспитывалась в Варшаве. Когда же у Вацлавской родилась дочь, то Ядвига снова появилась около Анжелики Сигизмундовны в качестве няни этого ребенка, а когда ему минул год, она прибыла с ними в Москву, где Анжелика Вацлавская купила на имя Залесской ферму близ села Покровского и, поселив в ней свою бывшую няню, поручила ей охранение маленькой Рены, изредка и на короткое время приезжая навещать свою дочь и осыпая щедрыми благодеяниями старуху, не чаявшую души в обеих своих воспитанницах.

Ферма в руках опытной хозяйки вскоре стала приносить хороший доход; ее продукция находила выгодный сбыт в Москве, и Залесская год от году расширяла дело.

Сама же Анжелика Сигизмундовна Вацлавская прямо проехала в Петербург, где и осталась на постоянное жительство.

Когда Ирене минуло восемь лет, к ней была приглашена гувернантка, тринадцати же лет она была помещена в пансион г-жи Дюгамель в Москве, в приемной которой мы и застали ее в предыдущей главе нашего рассказа.

Соблазненная чуть ли не тройной против назначенной за пансионерку платой, чопорная начальница этого аристократического московского пансиона склонилась на просьбы г-жи Вацлавской и согласилась принять в число своих воспитанниц ее незаконную дочь, в метрическом свидетельстве которой, к довершению ужаса г-жи Дюгамель, было сказано, что девочка крещена в церкви Рязанского острога.

– Прости меня, няня, – отвечала Ирена, бросаясь на шею Ядвиге Залесской, – я так расстроилась разлукой с подругой.

- Кто она, эта чернобровая?
- Дочь князя Облонского.
- Чье именно с нами по соседству?
- Да.

– Нечего сказать, красавица княжна!

– Она едет к родителям, в свою семью, а я, Бог знает, еще увижу ли свою маму... – сквозь слезы проговорила молодая девушка.

– Ты ее увидишь! Я получила от нее письмо. Она приедет завтра или послезавтра, – успокоила ее Залесская.

– Ах! – воскликнула Ирена, и глаза ее заблестели радостью.

Она бросилась обнимать свою няню.

– Однако надо ехать! Что же мы стоим среди двора? – сказала Ядвига и, приподняв Ирену, как перышко, усадила ее в тарантас и села сама.

Работник фермы, неуклюже одетый в кучерское платье, стегнул лошадей, и тарантас тронулся от подъезда.

Ирена всю дорогу была оживленна, рассказывала без умолку своей няне о пансионской жизни, о своей новой подруге Юлии Облонской, расспрашивала о жизни на ферме, о каждом работнике и работнице в отдельности.

– Отчего мы не ездим по железной дороге? – спросила она, окончив рассказы и расспросы.

– Такова воля твоей мамы, – отвечала Ядвига, – она строго запретила ездить с тобой на машине².

– Почему?

– Вероятно, боится какого-нибудь несчастья, которые теперь так часто случаются на этих костоломках, и, вообще, надо думать, имеет на это свои основания.

Молодая девушка замолчала.

Сильные деревенские лошади бежали крупной рысью и вскоре остановились у двухэтажного деревянного здания с большим двором, застроенным разного рода постройками: конюшней, коровниками, погребями, с примыкающим к нему обширным фруктовым садом и огородом.

Все эти здания были обнесены высокою деревянною решеткою.

Местность, где находилась ферма, вопреки мрачным краскам, на которые не поскупилась в описании Ирена в разговоре со своей подругой, была очень живописна. Справа был густой лес, почти примыкающий к саду, слева открывалось необозримое пространство полей и лугов; сзади фермы, на берегу протекающей извилинами реки, раскинулось большое село, с красиво разбросанными в большинстве новыми избами и каменной церковью изящной архитектуры. Перед фермой вилась и уходила вдаль большая дорога.

Комнатка Ирены была в верхнем этаже. С безукоризненно чистой кроватью, голубыми обоями и жардиньерками, полными цветов, она имела вид уютного гнездышка.

В комнатке стояло пианино.

Из двух ее окон открывался вид на лес и вьющуюся по его опушке дорогу.

На другой день после приезда Ирена встала очень рано и чувствовала себя как в лихорадке, так как провела почти всю ночь без сна.

Через несколько часов должна была приехать ее мать, и она с няней пойдет встречать ее на станцию. Молодая девушка считала минуты, ходила взад и вперед, не будучи в состоянии усидеть на месте. Ядвига в столовой с ореховой мебелью оканчивала накрывать на три прибора стол, блестящий белоснежной скатертью.

– Не пора ли идти? – воскликнула Ирена, посмотрев на стенные часы, показывавшие час.

– Терпенье, дитя мое! – ответила няня. – Поезд из Москвы выходит в три часа, мы еще успеем.

Молодой девушке нечего было возразить на это.

К тому же она знала по опыту, что Ядвига не изменит своего решения, и если бы даже она стала торопить ее, то этим не достигла бы желанной цели.

Время, однако, шло. На станцию уже отправился один из рабочих с ручной тележкой для багажа, и наконец Ядвига с Иреной вышли из дому. Бесконечная радость оживляла нежное и свежее личико молодой девушки. Она улыбалась, глаза блестели, яркий румянец играл на щеках, губы горели. Она увидит свою мать... ту, которая так редко и так кратковременно дарила ее своими ласками, ту, которая для нее служила олицетворением неведомого ей движения жизни и которая, казалось ей, в складках своей одежды принесет сюда последние отзвуки

² Имеется в виду поезд. Здесь и далее примечания редактора.

шумного оживления блестящего Петербурга, так недавно красноречиво описанного Юлией Облонской.

На станции мать и дочь бросились друг другу в объятия.

– Наконец-то я вижу тебя, дорогая моя Рена! – воскликнула Анжелика Сигизмундовна, покрывая поцелуями лицо дочери.

– Мама, милая мама, если бы ты знала, с каким нетерпением я ждала тебя!

– Бедная моя, поверь, что мое нетерпение было не меньше. Здравствуй, Ядвига! Не находишь ли ты, что Рена выросла? Право, она еще похорошела.

Старуха молчаливо, с радостной улыбкой на губах, созерцала картину этого свидания.

– Поцелуй и ты меня, Ядвига! – сказала Анжелика Сигизмундовна.

Та дала себя поцеловать с самодовольным видом, красноречиво говорившим, насколько она польщена.

Мать снова обратилась к своей дочери, любуясь ею, пожирая ее восторженным взглядом.

– Ты надолго приехала, мама? – спросила Ирена.

– Дорогая моя, – отвечала та со вздохом, – сегодня и завтра... только два дня я могу посвятить тебе.

Глазки Ирены подернулись дымкой грусти.

– Верь мне, что мне также очень больно покинуть тебя так скоро, но я к этому принуждена обстоятельствами... Имей терпение... и не будем примешивать к радости встречи горькую перспективу скорой разлуки.

Работник, между тем, получив багаж, сложил его на тележку и отправился на ферму.

Они втроем последовали за ним.

Через полчаса они уже сидели за столом, уставленным всевозможными деревенскими яствами.

– Здесь чудесно! – сказала Анжелика Сигизмундовна, окидывая взглядом окружающую ее скромную обстановку и полной грудью вдыхая свежее благоухание лесов и полей, врывавшееся в открытые окна.

Все она находила отличным, вкусным, хотя почти ничего не ела, беспрестанно обращаясь к Ирене, сидевшей с ней рядом.

– О, как было бы приятно жить здесь, около тебя, постоянно! – говорила она ей.

– Конечно, мама, – ответила дочь, – но еще лучше было бы жить вместе в Петербурге... Я также была бы там около тебя.

– В Петербурге! – повторила Анжелика Сигизмундовна, на минуту становясь петербургской Анжель. – Дай мне забыть его хоть на несколько часов! Скоро мне придется снова туда вернуться! – прошептала она, склоняя голову, как бы чувствуя тяжесть предстоящей ноши.

VI. Мать и дочь

Перемена в настроении духа Анжелики Сигизмундовны не ускользнула от внимания Ядвиги, и она поспешила переменить разговор, однако, несмотря на все свои старания, так и не смогла возратить своей старшей воспитаннице радостное настроение первых мгновений.

После обеда Ирена и Ядвига проводили г-жу Вацлавскую в отведенную ей на ферме комнату.

Анжелика Сигизмундовна с помощью своей дочери отперла сундук и чемоданы и переменяла свой дорожный костюм на более легкое платье. Ирена особенно весело помогала ей разбираться в сундуке, так как знала, что в нем всегда находилось по сюрпризу для нее и Ядвиги.

Она не ошиблась и на этот раз.

Мать, казалось, была совершенно очарована детской радостью дочери.

«Какая наивная, веселая, совсем ребенок... – думала она, глядя на Ирену. – Такая же и я была когда-то! Как это было давно! Но по крайней мере ты, мое дорогое дитя, ты останешься навсегда веселой, счастливой...».

Первый день свидания промелькнул быстро. Гуляли по саду, в лесу, посетили скотный двор и во время этих прогулок Анжелика Сигизмундовна расспрашивала дочь о ее занятиях, успехах в пансионе.

Ирена отвечала матери как-то принужденно. На ее губах вертелся вопрос, который она не смела задать в присутствии Ядвиги, сопровождавшей их повсюду:

«Когда я выйду из пансиона, возьмешь ты меня к себе в Петербург?»

Няня строго запретила ей задавать матери вопросы о будущем.

– Говоря ей об этом, показывая твою скуку, ты ее только постоянно огорчаешь и раздражаешь, – говорила ей Ядвига. – Уважай ее желания, дитя мое, и верь мне, что если она чего-нибудь не делает, то, значит, она не может этого сделать.

«Завтра, – думала про себя Ирена, – мы отправимся гулять вдвоем и я с ней поговорю. Что дурного в том, что я хочу жить с ней вместе, и как может огорчить ее это доказательство моей привязанности?»

Вечером Анжелика Сигизмундовна сама уложила в постель дочь и на прощание долго целовала ее.

Затем она прошла в свою комнату.

Там она застала Залесскую.

С далеко не свойственной ей в ее обыденной жизни горячностью она крепко обняла и поцеловала свою бывшую няньку.

– Наступили, наконец, и для меня счастливые часы, которые стоят целых годов: я видела, я целовала мою Рену, я слышала ее невинное щебетанье... Как все это хорошо. О, если бы это могло так продолжаться всегда, всегда... Как я горячо люблю ее!

– Ее стоит любить, она славная девочка и тоже очень вас любит, – отвечала Ядвига.

Она, несмотря на просьбы г-жи Вацлавской, настойчиво отказывалась говорить «ты» своей бывшей воспитаннице.

– Она только о вас и думает, – продолжала няня, – только о вас и говорит... Нет вас – ждет не дождется, уехали – тоскует, горюет. Она только и живет, когда вы здесь... Теперь она просто неузнаваема.

– Как жаль, что я не могу остаться. Я боюсь, что если мое отсутствие продолжится долго, узнают, куда я езжу, откроют это убежище, где скрывается моя дочь... А я не хочу, чтобы те, которые меня знают там, даже подозревали о ее существовании! Нет, этого никогда не будет! – прибавила тихо Анжелика Сигизмундовна, и взгляд ее сделался почти суровым.

– Конечно, но бедная девочка не на шутку мучается этим кажущимся пренебрежением с вашей стороны, которое она не может себе объяснить, – заметила няня.

– Она тебе об этом говорила? Она жаловалась?

– Нет, не жаловалась... этого сказать нельзя... Но видите ли, на нее нападает какая-то грусть; она все мечтает о Петербурге и вообще об иной жизни, нежели та, которую она ведет здесь и в пансионе, – с расстановкой заметила Ядвига.

– Я понимаю это... она становится женщиной... сердце у нее любящее... – задумчиво, как бы про себя, сказала Вацлавская и вдруг злобно расхохоталась.

– Любящее сердце, – повторила она, – и у меня тоже было любящее сердце... и оно разбито...

Она грустно поникла головой.

– Ее сердце не будет разбито! Я буду при ней, – почти вскрикнула Анжелика Сигизмундовна, высоко подняв голову.

– Она большая мечтательница! – заметила Ядвига.

– Это опасно! Но через шесть месяцев я ее увезу, а до тех пор нечего бояться...

– Через шесть месяцев? Куда же вы ее увезете?

– За границу! Вон из России! Подальше от Варшавы, Рязани и Петербурга.

Ядвига глубоко вздохнула.

– Ты поедешь с нами, – успокоила ее Анжелика Сигизмундовна, поняв этот вздох.

– А как же ферма?

– Ты продашь ее. Ведь ты же не откажешься ехать с нами?

– Отказаться! – воскликнула старуха. – Мне кажется, что за Реной и за вами я бы пошла куда угодно.

– Люби Рену! Она-то этого стоит!

– Я ее люблю так, как едва ли могла бы любить свою собственную дочь.

Анжелика Сигизмундовна снова обняла и поцеловала ее.

– Итак, вы хотите покинуть Россию навсегда? – задала вопрос Ядвига.

– Это необходимо!

– И вам не жалко будет расстаться с вашей родиной?

– О, что дала мне эта родина? Все в ней наводит на меня слишком печальные воспоминания, которые бы я хотела забыть в присутствии дочери...

Бледная и расстроенная, Анжелика Сигизмундовна несколько раз прошлась по комнате.

– Когда Рена приезжала сюда, – спросила она упавшим голосом, – не замечала ли ты, чтобы какой-нибудь мужчина здесь увивался около нее?

– Не посоветовала бы я кому-нибудь здесь тереться, – отвечала старая няня, и в голосе ее послышались грозные ноты. – Я все насквозь вижу и в обиду не дам!

– Хорошо! Хорошо! – прошептала Анжелика Сигизмундовна, довольная этим порывом Ядвиги. – Рена ведь хороша, как ангел, и мне кажется, что ни один мужчина не может не влюбиться в нее, если увидит.

– Полноте! Это бы ее только испугало, ведь она у нас умница, скромная, наивная.

– Да, да... Но ведь этого-то я и боюсь... Через полгода я приеду и уже для того, чтобы с ней не расставаться! Однако теперь поздно, ты привыкла рано ложиться... спокойной ночи, до завтра!

Ядвига вышла.

Оставшись одна, Анжелика Сигизмундовна разделась и легла спать.

Несмотря, однако, на утомление после дороги и продолжительной прогулки, некоторого как бы опьянения, производимого обыкновенно свежим деревенским воздухом на непривычных городских жителей, она долго не могла заснуть.

То, что сказала ей Ядвига о ее дочери, то, что заметила она сама, заставило ее призадуматься. Она также в возрасте Ирены была мечтательницей, как выражалась нянька, и ей также были знакомы эта грусть, тоска, неопределенные желания, жажда перемены жизни.

– Все это доказывает, что в молодой девушке пробуждается женщина, – говорила она себе. – Это самый опасный момент. Сердце просится наружу... Оно легко поддается... Первый, кто встретится в такую минуту, решает нашу участь, навсегда разбивает нашу жизнь!

Охваченная материнской заботливостью, она начала мысленно переживать свою собственную жизнь, которая также в свое время была чиста и прозрачна, как студень ключ, а потом, превратностью судьбы, превратилась в мутный, грязный ручей, в котором прохожие обмывают свои ноги.

И она прошла тот период душевной спячки, от которой пробуждаются к жизни.

Для нее это пробуждение оказалось катастрофой. С ее дочерью не должно случиться ничего подобного.

– Теперь пора, – решила она, – мне самой наблюдать за моей девочкой. Раз я при ней, мне нечего бояться опасностей.

Она была глубоко уверена в своем знании жизни и людей, чтобы хоть на минуту усомниться в своем умении отвлечь от своего собственного ребенка всякую возможность не только падения, но даже неправильного жизненного шага.

Она не спала всю ночь и встала очень рано.

Она хотела застать Ирену еще спящей и разбудить ее первым утренним поцелуем.

Тихонько, на цыпочках пробралась она в комнату дочери и приблизилась к кровати.

Ирена действительно еще спала крепким сном ранней молодости, разметавшись во сне и откинув одеяло. Ее розовато-нежные ручки, шея и грудь были полны чарующей прелести.

Мать остановилась перед своею дочерью, любуясь ею с каким-то религиозным благоговением, как бы пораженная мыслью, что она могла произвести на свет такое чистое, нежное существо.

Она наклонилась поцеловать ее и инстинктивно, сама того не замечая, боялась прикоснуться к этим чистым, девственным, полуоткрытым губам своими губами, еще не остывшими после бесчисленных иных поцелуев.

Анжелика Сигизмундовна как бы застыла в замешательстве, склоненная над изголовьем молодой девушки.

Вдруг крупная слеза упала из ее глаз на щеку Ирены, которая проснулась и обвила шею матери своими белоснежными руками.

– Мама, – прошептала она, – я видела тебя во сне.

VII. Сон

– Ты видела меня во сне, моя голубка! – повторила Анжелика Сигизмундовна, пряча свое лицо в распустившихся волосах дочери, чтобы скрыть следы слез. – Что же тебе снилось?

– Мне снилось, что будто бы мы с тобой в Петербурге, в большой-большой ярко освещенной зале, наполненной мужчинами и дамами в бальных костюмах. Ты была хозяйкой и представляла меня гостям. Среди общего шума я расслышала следующие слова: «Это ее дочь... дочь»... Называли какую-то фамилию, но я не разобрала.

Анжелика Сигизмундовна выпрямилась, побледнела и смотрела на Ирену с очевидным беспокойством.

– А потом что? – спросила она машинально.

– Потом, о, потом... – продолжала молодая девушка, краснея, – я видела себя... Это так странно, мама, не правда ли? Во сне иногда видишь себя, как будто помимо нас самих существует второе «я», которое смотрит на то, что мы делаем, слышит то, что мы слушаем, и говорит: Я видела себя... Я шла по зале, одетая в белое, с венком померанцевых цветов на голове и таким же букетом на груди, покрытая фатой...

– Да ведь это венчальный наряд! – прервала ее мать, слегка вздрогнув.

– Именно, мама! – воскликнула нервно Ирена. – Ты сделала вечер по случаю моей свадьбы... К тому же я вокруг себя слышала шепот: «Вот жених... князь»... Я выходила замуж за князя... Только я не разобрала его фамилии... В толпе говорили: «Как жаль, что он умер!».

Она умолкла на мгновение, но потом тотчас же продолжала:

– Кто умер? Я бы это, может быть, узнала... Я видела также моего будущего мужа. Мне кажется, что я теперь узнаю его между тысячами!.. Но вдруг я проснулась... не правда ли, мама, это очень странный сон?

– Да, действительно, странный! – пробормотала бледная и взволнованная Анжелика Сигизмундовна.

Как все женщины, особенно ее круга, она была очень суеверна и знала значение снов.

«Свадьба означает смерть», – думала она. Она вся похолодела, сердце ее остановилось.

– Что с тобой, мама? – спросила Ирена. – Ты стала вдруг такой скучной.

– Ничего, – быстро ответила мать с деланной улыбкой, на губах. – В твои годы много снится снов, и они ничего не означают. Вставай, я помогу тебе одеться.

Все утро Анжелика Сигизмундовна озабоченно наблюдала за своей дочерью, прислушивалась к ее говору, следила за малейшим ее жестом. После обеда она сказала ей:

– Надень шляпу, мы пойдем с тобой гулять в лес.

Ирена с детской радостью приняла это предложение.

В одну секунду она очутилась в своей комнате, надела только что привезенную ей матерью из Петербурга шляпу с широкими полями, бесподобно шедшую к ее милостивому личику.

Они миновали фруктовый сад, достигли калитки, всходившей в лес, и пошли по первой попавшейся им тропинке.

Ирена уже давно мечтала об этом tête-à-tête со своей матерью, сгорая желанием открыть ей свое сердце, сказать, что она чувствует, объяснить причины своей грусти, выразить желания своей детской души. Сколько раз она твердила сама себе все то, что она должна сказать матери, а теперь, около нее, когда оставалось только открыть рот, чтобы заговорить, ей вдруг стало казаться, что ей нечего сказать.

Она была именно в таком возрасте, когда молодые девушки чувствуют необъяснимые тревогу и застенчивость, которые не могут анализировать, не будучи в состоянии отдать себе отчет.

Обе женщины шли некоторое время молча, и Ирена, вышедшая из дому с улыбкой на устах и блестящими глазами, становилась все угрюмее, раздражалась против самой себя, не понимая тому причины.

Анжелика Сигизмундовна пристально посмотрела на нее.

Она, видимо, догадалась, что происходило в душе ее дочери, так как первая прервала томительное для них обоих молчание.

– Дорогое дитя мое, – нежно начала она, – ты уже взрослая девушка и начинаешь, как я заметила, мучиться бездействием и однообразием твоей настоящей жизни.

Слезы внезапно полились из глаз Ирены.

– Я мучаюсь только тем, что живу вдали от тебя и не могу чаще тебя видеть, чаще чувствовать на себе взгляд твоих чудных, ласкающих, нежных глаз.

– Я также, дорогая моя, страдаю от этой разлуки, но она необходима для твоего же счастья. Потом я расскажу тебе причины, принудившие меня к ней, передать же их тебе в несколько часов нет возможности.

Анжелика Сигизмундовна уже давно сочинила целый роман, который и намеревалась рассказать в надлежащее время своей дочери, лишь бы скрыть от нее жестокую истину ее позорного существования.

– Если мы и жили до сих пор в разлуке, – продолжала она, – то не обвиняй в этом мое сердце, мою любовь к тебе, готовую на всякие жертвы...

Она чуть-чуть не сказала «на всякие преступления», но вовремя остановилась.

– О, я никогда и не думала иначе! – воскликнула Ирена, бросаясь к ней на шею. – Если я немного грущу и скучаю, стала даже капризной с некоторых пор, то все-таки я не неблагодарная... Я знаю, как ты меня любишь!

– Да, я люблю тебя, я люблю тебя больше, чем ты можешь предполагать.

Она порывисто прижала дочь к груди.

– Не в том, впрочем, дело. Напротив, я хотела бы тебя успокоить. Я отлично понимаю, что ты чувствуешь... это так естественно в твоем возрасте. Все мы прошли это. Ты становишься женщиной, вот в чем весь секрет, а женщине нужна другая жизнь, нежели девочке!

Ирена с вопросительным недоумением глядела на нее.

– Я одна могу тебе в этом помочь, могу изменить твою жизнь, и я на это решилась...

– А! – могла только воскликнуть взволнованная молодая девушка.

– Я теперь тебя покину в последний раз. Через четыре, много пять месяцев я возвращусь, и тогда уже мы не расстанемся...

– Мы будем жить здесь?

– Нет, я увезу тебя.

– В Петербург?

Анжелика Сигизмундовна заметно вздрогнула.

– Нет, не сразу в Петербург.

– Отчего?

– Петербург... ты это узнаешь после... возбуждает во мне тяжелые воспоминания... Я ненавижу этот город.

Ирена взглянула на нее с удивлением.

– Особенно потому, – поспешно прибавила мать, – что этот проклятый Петербург до сих пор разлучал нас с тобою.

– Ты там страдала, бедная мама, ты там была несчастна?

Анжелика Сигизмундовна засмеялась, но таким смехом, который тотчас же постаралась заглушить, настолько он был, по ее мнению, неуместным в присутствии ее дочери.

– Да, да, именно! – быстро сказала она. – И уж, конечно, не я повезу тебя в Петербург. Это, быть может, сделает твой муж!

– Мой муж! – повторила Ирена, вздрогнув.

– Да, моя дорогая, потому что ведь нужно тебе выйти замуж, и как можно скорее. Это самое лучшее.

Она остановилась, но через минуту начала снова уже другим тоном:

– Ты молода, хороша, ты сделаешь блестящую партию... О, я буду требовательна, разборчива... Никто не будет достаточно хорош, добр, знатен для дочери... для тебя, моя Рена.

– Значит, ты собираешься меня выдать замуж? – повторила задумчиво молодая девушка.

– Конечно, я только об этом и думаю; но, само собою разумеется, нужно, чтобы он тебе нравился, чтобы ты его полюбила.

Ирена слушала молча. Сердце ее усиленно билось.

– Так что будь терпелива, – продолжала Анжелика Сигизмундовна, – в скором времени твоя жизнь переменится. Мы будем неразлучны до того дня, пока мне не удастся упрочить твое счастье.

Разговор в том же духе, или, вернее, монолог матери, высказывавшей вслух свои заветные мысли и надежды, продолжался довольно долго; дочь же в это время предавалась своим мечтам.

Было уже поздно, когда обе женщины вернулись на ферму.

Анжелика Сигизмундовна еле успела уложить свои вещи.

Она торопилась.

Ирена храбрилась, она казалась спокойнее, чем в предыдущие годы. Однако в ту минуту, когда мать садилась в вагон, она разрыдалась.

– Помни, что я тебе сказала, – заметила ей Анжелика Сигизмундовна, – я уезжаю только для того, чтобы вернуться через несколько месяцев за тобой.

Она послала ей рукою поцелуй и отвернулась, чтобы скрыть слезы.

Поезд тронулся.

«Я ей дала предварительное лекарство, – думала мать, сидя в купе первого класса. – Она будет занята мыслью о своем замужестве. Это займет ее до моего возвращения, а это все-таки лучше, чем ее настоящее, неопределенное состояние духа».

Вечером Ирена, в свою очередь, ложась спать, говорила себе:

«Мой сон, значит, был предчувствием! Сны не обманывают. Моя мать, верно, кого-нибудь уж знает, на кого она рассчитывает для меня. Странно будет, если это тот самый, кого я нынче ночью видела во сне... Князь...»

Засыпая, она все еще припоминала нерасслышанную фамилию князя, образ которого носился перед ней.

VIII. Наяву

На следующее утро Ирена проснулась рано, и, странное дело, первая ее мысль была не о матери, с которой она рассталась накануне вечером и, быть может, не увидится в продолжение полугода. Правда, по истечении этого срока ее жизнь совершенно изменится, и над этим стоило призадуматься.

Вследствие исключительного свойства нервных и впечатлительных натур молодая девушка проснулась далеко не с чувством готовности терпеливо ожидать исполнения неясных обещаний матери, а, напротив, с потребностью их немедленного осуществления.

Сердце ее усиленно билось, точно перед наступлением какого-нибудь рокового события, и в ее уме слагалось несомненное убеждение, что она встретит олицетворение призрака, явившегося в ее сновидении, и что он будет играть роль в ее жизни.

Она стала думать о своем замужестве не как о гадательном плане ее матери, а как о чем-то уже решенном и определенном. Ее суженый должен существовать. Ее мать его знает, она сама избрала его для нее. Какое-то необъяснимое предчувствие, пробуждавшее в ней целый рой неведомых доселе ощущений, подсказывало ей, что он недалеко, что она его увидит, и увидит скоро.

Ирена встала, оделась, причесалась тщательнее обыкновенного и пошла прямо в лес по той тропинке, где накануне беседовала со своею матерью, и не подозревавшей, какое значение придаст ее словам дочь и какой они произведут переворот в этом молодом, только что расправляющем крылышки существе.

Если бы кто-нибудь спросил Ирену, зачем она пошла в лес именно на то место, где была вчера с Анжеликой Сигизмундовной, вопрос этот очень бы смутил ее и она не знала бы, что на него ответить. Она шла искать того, что ищет всякий, молодой и старый, во все времена года, на всем пространстве земного шара: она шла искать счастья.

Было майское теплое утро. Лес только что пробудился и стоял весь залитый солнечными лучами, полный благоухания.

Птицы наперерыв пели свои утренние песни.

Капли росы блестели на зеленеющих ветвях.

Небо было ясно; солнце сквозь частую листву светлыми, причудливой формы пятнышками играло на дорожках.

Ирена шла бодрым, легким шагом, вдыхая ароматный воздух, чувствуя себя счастливой, находя что-то общее между весной своей жизни и природой, которая, казалось ей, в это утро как-то особенно приветливо улыбалась.

Вдруг на повороте тропинки она остановилась как вкопанная. Навстречу ей шел прогулочным шагом неизвестный господин.

Он был в нескольких шагах от нее.

Ей показалось, что ее вчерашний сон повторяется наяву: безотчетный испуг и необъяснимая сильная радость одновременно сжали ее сердце, биение его остановилось, в глазах потемнело, и молодая девушка без чувств упала почти к ногам приблизившегося незнакомца.

Он остановился, также пораженный, но это было, как и падение Ирены, делом одного мгновения.

Он бережно взял ее на руки, отнес на прилегающую к тропинке лужайку и уложил на траву.

Незнакомец, напугавший Ирену до обморока, был мужчина высокого роста, несколько сухощавый, статный и безукоризненно одетый в светло-серую летнюю пару, видимо, сшитую лучшим столичным портным.

Вся его фигура дышала тем аристократическим благородством, которое приобретается не только воспитанием и светской жизнью, но главным образом рождением, породой.

Пропорционально сложенная фигура, гибкий стан с первого взгляда обличали в нем необычайную мускулистую силу, впечатление которой ослаблялось врожденной грацией.

Он далеко не был молодым человеком: на вид ему было лет около сорока, метрическое же свидетельство говорило, что ему пятьдесят.

Взгляд его был полон огня, жизни и молодости, той особенной молодости, которая, хотя и редко, но встречается у мужчин, успевших много пожить, но сумевших сохранить опыт без утомления.

Небольшой, тонкий, насмешливый и несколько надменный рот оттенялся выхоленными шелковистыми, изящно подстриженными густыми усами; коротко остриженные, тонкие волосы, уже слегка поредевшие на лбу и в особенности на затылке, еще вполне сохраняли, как и усы, свой прекрасный каштановый цвет.

Большие голубые глаза с сероватым оттенком были красиво очерчены, а легкая тень под ними придавала некоторую усталость взгляду. Нос был длинный, прямой, с подвижными ноздрями; резко очерченный подбородок указывал на сильную волю; лоб был невысок, с немного выдающейся надбровною костью.

Все манеры незнакомца обличали безупречного аристократа, который скорее уьет, нежели скажет неприличное слово и сделает резкое движение.

Словом, это был один из тех мужчин, которых женщины обожают и от любви к которым умирают.

Убедившись, что молодая девушка только в обмороке, он, казалось, не допытывался умом его причины и спокойно стал рассматривать лежащую.

«Прехорошенькая!» – вывел он результат своего осмотра.

Оправив ей платье, обнаружившее тонкие, стройные ножки, исполнив этот долг приличия, он встал перед ней на одно колено, положил свою левую руку под ее затылок, чтобы приподнять голову, вынул правой рукой из кармана флакончик с солями, которые и дал понюхать еще не приходившей в себя Ирене.

Стараясь привести ее в чувство, он не забывал делать свои наблюдения:

«Восемнадцать лет... не более... Это не крестьянка... это скорее отпущенная на каникулы пансионерка!»

Он внимательно посмотрел на ее руки.

«Маленькие, прехорошенькие ручки... хотя и не особенной породы! Прелестная шейка... Да эта девочка просто лакомый кусочек! Откуда она и кто она такая?»

Ирена пошевелилась.

«Вот она приходит в себя. Посмотрю, какие у нее глаза, зубы, послушаю ее голос!»

Он выше приподнял ей голову, чтобы облегчить дыхание.

«Она, верно, живет здесь в окрестности! Это доказывает ее костюм... И одна в лесу... Может быть, какое-нибудь свидание, назначенное избраннику сердца или... любовнику».

Недоверчивая, равнодушная улыбка скользнула по его губам, в глазах блеснул огонек.

Молодая девушка, между тем, снова пошевелилась, вздохнула, легкий румянец появился на ее щеках; она открыла глаза и увидела над собой склоненную голову того, кто за несколько минут так сильно поразил ее своим внезапным появлением. Их глаза встретились.

«Самые хорошенькие глазки в мире! – подумал он. – Прелестный ротик, чудные зубки! Да этот ребенок просто клад!»

Он улыбнулся ей той светской, свойственной ему улыбкой, которая доставляла ему столько побед.

– Mademoiselle, это ничего, не бойтесь, сильный испуг, я на повороте дорожки вырос перед вами, как из-под земли, вы испугались, хотя я не понимаю причины.

– Ах, я видела вчера сон!.. – вся зардевшись, сконфуженно пробормотала Рена.

– Сон? – удивился незнакомец.

Молодая девушка смешалась еще более и сильно рассердилась на себя за свою болтливость...

– Да... нет... – прошептала она едва слышно. Он не стал спрашивать.

– К счастью, – переменил он разговор, – вы упали не на корень дерева, я перенес вас сюда и мне удалось привести вас в чувство.

Ирена, приподнявшись на локтях, не сводила с него глаз.

– Теперь вы совсем пришли в себя, – продолжал он, – как вы себя чувствуете? Не ушиблись ли вы?

Она сделала над собой невероятное усилие, снова побледнела, потом покраснела. Сердце ее сильно билось.

– Нет, теперь мне совсем хорошо! – наконец пробормотала она. – Благодарю вас.

Движением она выразила желание встать. Он сейчас же помог, и она, опершись на его руку, встала, но ноги у нее все еще подкашивались.

– Вы очень слабы, – сказал он ей, – не могу ли я пойти предупредить ваших родителей? Вы, вероятно, живете здесь поблизости, за вами могли бы приехать.

– Нет, нет! – поспешно отвечала она. – Я живу около Покровского... через четверть часа я буду дома.

– Около Покровского? Действительно, это очень близко. Вы мне позвольте проводить вас, так как одна вы идти не можете.

Ирена смотрела на него в замешательстве. Он любовался ее смущением.

– Благодарю вас! – тихо произнесла она.

– Достаточно ли вы сильны, чтобы идти?

– Да!

Она сделала несколько шагов, сначала несмело, потом более уверенно, опираясь все еще слегка дрожащей рукой на его руку.

«Она очаровательна! – говорил он сам себе. – Кто она такая? Ни малейшего знания светского обращения!.. Очень застенчива. Несозревший плод... но зато какой плод!»

Он вел ее с удивительной ловкостью и поддерживал с нежным, почти женским, вниманием.

Вдруг Ирена подняла на него свои большие взволнованные глаза. В них отразилась какая-то тайная, неуловимая мысль, придававшая столько прелести ее взгляду, сообщив ему глубину, мало подходившую к ее возрасту.

– Кого я должна благодарить? – спросила она его.

– Князя Облонского.

– Князя... – повторила она громко, потом чуть слышно прибавила:

– Так оно и есть!

Она пошатнулась и остановилась.

– Что с вами?

– Ничего... А я... меня зовут Ирена Вацлавская.

– Вацлавская? – повторил в свою очередь удивленно князь.

Он бросил на нее пытливый взгляд. «Гм! – сказал он сам себе. – Неужели?.. Это было бы очень странно».

IX. «Он»

Князь Облонский и Ирена вдруг разом остановились и взглянули друг на друга: она – как бы ожидая от него чего-то, ей уже ранее известного, он – с дерзкой полуулыбкой, значения которой, если бы даже она ее заметила, то не поняла бы...

– М-ле Вацлавская? – медленно повторил он. Он смолк на минуту, как бы в раздумье.

– Ваши родные живут здесь?

– Нет!

– То-то я здесь не знаю никого, кто бы носил такую фамилию.

– Моя мать живет постоянно в Петербурге.

Он пристально посмотрел на нее, так пристально, что она опустила глаза, веки которых были опущены длинными темными ресницами.

– Вы дочь Анжелики Сигизмундовны Вацлавской?.

– Да! Разве вы ее знаете? – спросила она дрожащим голосом.

– Я знаю одну прелестную женщину, которая носит такое имя и которая живет в Петербурге, на Большой Морской.

– Это она! – вскрикнула Ирена, вся просиявшая, окинув его взглядом, выразившим полное доверие.

Князь принял к сведению эту радость и уловил появившееся в ее взгляде доверие.

Он улыбнулся и стал подробно описывать наружность Анжелики Сигизмундовны.

– Как вы ее хорошо знаете! – снова радостно воскликнула молодая девушка.

– Да, – отвечал Облонский, – я очень хорошо ее знаю... Я бывал у нее, но вас я никогда не видал и даже не знал, что у г-жи Вацлавской есть дочь.

– Это потому, что я никогда не была в Петербурге.

Они продолжали идти очень тихо, оба до крайности заинтересованные разговором.

– Тогда я больше не удивляюсь тому, что вижу вас в первый раз. Значит, вы не часто видите с вашей матерью? – пытливо начал князь.

– Очень редко, она приезжает в Покровское два или три раза в год – не более, и то всего на несколько часов, иногда, впрочем, дня на два. Вы знакомы с моею матерью, вам должно быть известно, что ее задерживают в Петербурге серьезные дела...

– Да, – отвечал он с едва заметной улыбкой, – г-жа Вацлавская действительно занята в Петербурге серьезными делами...

– Она вдова, – продолжала вопросительным тоном Ирена, – потому одна должна хлопотать по делу громадного наследства...

Облонский не заметил или не хотел заметить этого тона и отвечал вопросом:

– Вы знаете вашего отца?

– Нет! Я была еще совсем ребенком, когда он умер.

– И это здесь, в Покровском, вы получили воспитание?

– Да, я жила и живу у няни Ядвиги, еще у меня была гувернантка...

Оба замолчали.

Он первый возобновил разговор.

– Но если вы жили в этой деревне до сих пор, – сказал он, – то невозможно, чтобы вы в ней остались навсегда... Вы больше не ребенок... вы прелестная молодая девушка... Рано или поздно ваша мать, вероятно, рассчитывает взять вас к себе...

– О, да, – отвечала Ирена, – она мне обещала это вчера...

– Вчера?

– Она приезжала ко мне и два дня провела со мною... Сегодня, прогуливаясь одна по тем местам, где мы ходили с нею, я встретила вас...

– И я имел несчастье испугать вас и счастье с вами познакомиться.

Он слегка улыбнулся и прибавил:

– И вы скоро к ней поедете?

– Через пять или шесть месяцев она за мной приедет, и мы больше не будем расставаться.

– Конечно! Вы уже в таком возрасте, когда пора вас вывозить в свет, и вместе с тем настолько хороши, что не можете остаться незамеченной.

Он посмотрел на нее нежным взглядом, проникавшим в сердце молодой девушки, которое усиленно билось.

Ее неопытность, ее неумение скрывать свои чувства давали ему возможность ясно видеть, какое впечатление произвел он на нее.

– Это будет, – продолжал он, – большой и благоприятной переменой в вашей жизни, потому что вы, несомненно, должны очень скучать в этой глуши.

– Ужасно! – с искренним порывом отвечала она.

– Я это понимаю! Жестоко держать так долго вдали от общества вас, больше всех способную привести это общество в восторг.

– Это также и большое лишение для моей матери, которая меня обожает настолько же, насколько я люблю ее. Мы обе страдаем от необходимости этой разлуки, к счастью, приходящей к концу.

– Сообщала вам Анжелика Сигизмундовна свои планы на ваш счет в той новой жизни, которую она вам готовит?

– Я знаю только, – отвечала Ирена дрожащим голосом, поднимая на него застенчивый взгляд, – что она заботится о моем счастье.

– Счастлив тот, кому она его поручит! – сказал он, смотря на нее взглядом, приводившим ее в смущение.

Она опустила глаза, между тем как он прибавил тихим, проникающим в душу голосом:

– А для девушки вашего возраста счастьем называется...

Он на секунду приостановился:

– Замужество!

– Ах, вы знаете! – пробормотала она, вздрогнув.

– Нет... я угадываю. Это весьма естественная забота всех матерей, и подобная мысль вам, кажется, приходится по вкусу, что также очень естественно.

Ирена сильно покраснела. Она не отвечала, но ее молчание было знаком согласия.

Князь Облонский, вероятно, узнал все то, что ему хотелось, так как переменял разговор.

– Мне показалось, что, когда я вам назвал мою фамилию, вы сделали вид, что она вам уже знакома. Я не ошибся?

– Действительно, я ее знала, – просто ответила она.

– И это ваша мать произносила ее при вас? – с необычайною живостью спросил он.

– Моя мать?... Нет! Но я знаю Юлию...

– Мою дочь? – вскричал он с удивлением.

– Да, мы в одном с ней пансионе.

Он вдруг остановился.

– Вы в одном с ней пансионе?

Взглянув на нее, он переменял тон.

– Вас зовут Ирена?

Ее имя, произносимое им, раздалось в ее ушах точно песнь любви и показалось ей таким нежным, будто она слышала его в первый раз.

Да и какая женщина может сказать, что знает свое имя, пока оно не произнесено устами любимого человека.

Князь повторил еще раз.

– Ирена! Вы должны именно так называться – это имя изящно и нежно. Действительно, моя дочь мне не раз говорила об одной из своих пансионских подруг... Это и есть вы!.. Мы непременно должны были встретиться в один прекрасный день. Между нами как будто уже существует что-то общее. Я знаком с вашей матерью, моя дочь знает вас.

– Я люблю ее от всего сердца! – горячо сказала Ирена.

Они достигли опушки леса. Уже сквозь редеющую листву деревьев видна была дорога, ведущая на ферму Залесской, видна была даже сама ферма.

– Вот мы и пришли! – сказала Ирена. В голосе ее послышались ноты сожаления.

Князь остановился.

– Вы здесь живете?

– Да.

– И тут проводите все время ваших каникул?

– Да.

Она как будто колебалась.

– Зайдите, князь, я вас представлю моей няне, чтобы она могла поблагодарить вас.

– Право, не за что, mademoiselle... За мою маленькую услугу я получил лучшую награду, так как имел случай с вами познакомиться и удовольствие проводить вас.

– Прошу вас, – прибавил он вкрадчивым голосом, взяв ее за руку, – не рассказывайте о вашем приключении... Это может возбудить страх в вашей няне... и из желания вам добра, она может помешать вашим прогулкам... Я имею привычку каждое утро гулять в этой стороне леса. Странно, что я до сих пор не имел удовольствия вас, здесь встретить.

Ирена слушала его, опустив глаза.

– Когда вы будете писать вашей матери, также не упоминайте, ей обо мне. Это сюрприз, который я хочу ей сделать при приезде в Петербург. Видите, взамен моей маленькой услуги я прошу у вас оказать мне целых две... Я еще остаюсь вашим должником.

Он пожал ей руку и, не дожидаясь ответа, удалился.

Ирена несколько времени не двигалась с места, поняв, что с этой минуты между ними есть тайна, что он указал ей способ и возможность свидания. Она не обратила внимания на то, что он не пригласил ее посетить ее подругу – свою дочь; зато она была уверена, что ее сон осуществляется, так как князь Облонский был, казалось ей, именно тот, кого она видела в том сне и кого ее мать, по всей вероятности, назначила ей в супруги, не желая ей его назвать. Что касается князя, то он, удаляясь, говорил:

– Дочь Анжель... Да это просто мщение? Однако надо признаться – она очаровательная девочка! Я сегодня прогулялся не даром.

Х. В Облонском

В то время, когда князь Сергей Сергеевич Облонский беседовал с Иреной, в обширной столовой княжеского деревенского дома был уже накрыт завтрак на пять персон, так как мы знаем, что в это лето у князя гостила его старшая дочь Надежда Сергеевна со своим мужем, графом Львом Николаевичем Ратицыным, и Виктор Аркадьевич Бобров, которого мы видели в театре «Аквариум» вместе с доктором Звездичем.

Дома, впрочем, была только одна Надежда Сергеевна, которая и поджидала остальных, сидя с французской книжкой в руках, в покойном *chaise longue*, на громадной террасе дома, выходящей в роскошный цветник и утопающей в зелени тропических деревьев.

Сам князь ушел делать свою обычную прогулку пешком, а ее муж и сестра Юлия с Виктором Аркадьевичем уехали кататься верхом.

Надежда Сергеевна Ратицына, как и ее младшая сестра, была брюнеткой, со смуглым цветом лица, но несколько резкими чертами.

Услыхав топот лошади в прилегающем к цветнику парке, она оставила книгу и сидела в выжидательной позе.

Вскоре на террасу вошел ее муж. Граф Лев Ратицын происходил из старинной русской фамилии, и имена его предков были не раз занесены на скрижали истории. Эта оговорка о знатности его происхождения была необходима, так как иначе он мог быть вовсе незаметен.

Довольно большого роста, худощавый, с желтовато-бесцветным лицом, с ухватками семинариста, он нельзя, впрочем, сказать, чтобы был некрасив. Его даже можно было назвать недурным собою, если бы прямые, довольно правильные черты его лица не были лишены выражения и жизни. Не носи он громкого титула и не принадлежи к знаменитому историческому роду, он бы навеки остался незаметной личностью, о которой ничего не говорят и ничего не думают.

– Мой зять не совсем ловок! – говорил про него сам князь Сергей Сергеевич с иронической улыбкой.

Действительно, несмотря на то что он безукоризненно одевался по последней моде у лучшего портного, в его манерах, движениях было что-то резкое, угловатое.

– Наконец, хоть ты! – сказала Надежда Сергеевна, идя навстречу своему мужу. – Я всегда боюсь, когда ты едешь верхом... А где сестра и Виктор Аркадьевич?

– Не знаю! Я от них отстал, сам черт их не догонит. Они не скакали, а летели.

– Юлия немного неосторожна! – сказала она.

В эту минуту на террасу вбежали молодые люди.

– Ты, кажется, здесь стала первой наездницей! – сказала Надежда Сергеевна, подойдя к раскрасневшейся от быстрой езды сестре.

– Мне показалось, – заметила та, не отвечая на вопрос, – что Аврора, – так звали ее лошадь английской и частью арабской породы, – немного ушиблась...

– И ты не испугалась?

– Нет!.. К тому же я была не одна. Виктор Аркадьевич ехал рядом со мной...

– Это тебя успокоило?

– Юлия Сергеевна, – перебил Бобров, слегка смущенный, – слишком хорошо ездит, чтобы чего-нибудь бояться.

– Что это папа нынче так запоздал? – проговорила Надежда Сергеевна.

Все уселись на террасе в ожидании князя, удивляясь такой несвойственной ему неаккуратности. Через несколько времени появился и он.

– Ах, папа, – вскричала Юлия, – мы заждались тебя и уже терялись в догадках, что могло случиться.

– Ничего особенного, я просто зашел слишком далеко.

Он любезно предложил руку своей старшей дочери и повел ее в столовую.

Виктор Аркадьевич, сидевший около Юлии, предложил ей свою.

Граф один пошел за ними.

После завтрака, выпив свой кофе, Надежда Сергеевна с Юлией вышли снова на террасу, оставив за столом одних мужчин.

– Мне нужно с тобой переговорить! – сказала Ратицына своей сестре.

Как только дочери его удалились, Сергей Сергеевич сделал знак человеку с суровым, торжественным и необычайно серьезным видом, в ливрейном фраке и белом галстуке, стоявшему за стулом князя.

Это был камердинер, наперсник и поверенный тайн его сиятельства.

– Степан!

Лакей почтительно наклонился к князю.

– Ты придешь ко мне в кабинет сегодня, тотчас же после обеда. Мне нужно отдать тебе некоторые приказания, – почти шепотом произнес Облонский.

– Особые? – так же тихо спросил камердинер.

– Да, особые!

На гладко выбритом, бесстрастном лице Степана мелькнула чуть заметная самодовольная улыбка.

– Слушаю-с! – отвечал он с поклоном и снова принял величественную позу.

Все трое мужчин закурили сигары и принялись за кофе и ликеры.

Спустившись с террасы, обе сестры отправились по цветнику по направлению к одной из аллей парка.

Солнце, достигнув своего зенита, делало тенистые места не только приятными, но прямо необходимыми, так что аллея, густо усаженная серебристыми тополями, куда Надежда Сергеевна повела Юлию, была прелестным местом для прогулки в этот жаркий летний день.

Графиня Ратицына и ее сестра шли сначала молча, погруженные каждая в свои думы.

Первая была серьезна, вторая счастлива.

Однако молчаливая прогулка наскучила ранее Юлии, и она сказала, останавливаясь у одной из поставленных в аллее чугунных скамеек:

– Сейчас видно, что ты не проскакала сегодня верхом часа два.

– Отчего это?

– Потому что ты, кажется, собираешься совершить длинную прогулку, тогда как мне страшно хочется сесть!

– Сядем, если хочешь, к тому же так нам будет удобнее говорить.

– Ах, правда! – бросила Юлия на сестру беспокойный взгляд. – Тебе нужно со мной говорить?

Сестры уселись.

– Да, и очень серьезно! – заметила графиня.

– Ты меня пугаешь! – засмеялась молодая девушка.

– Тем хуже, так как мне нужно твое доверие.

– Мое доверие?

– Да, и совершенная откровенность, – прибавила Надежда Сергеевна, нежно пожимая ей руки.

– В таком случае, спрашивай меня.

Графиня на минуту задумалась.

– Ты знаешь нашего отца, – начала она. – Он прекрасный человек, очень умный, любит нас всем сердцем, но вместе с тем, он человек светский, еще очень молодой душой, относящийся с большим доверием, что, впрочем, вполне основательно, к правилам чести и гордости,

традиционным в нашей семье, и также к строгому воспитанию, полученному нами при нашей доброй матери... – При последних словах голос Надежды Сергеевны дрогнул. – Он занимается нами не более, как с его характером может заниматься светский человек молодыми девушками, такими, как ты, и какой я была два года тому назад.

– Конечно, – перебила Юлия, немного удивленная этим предисловием. – Папа всегда так хорошо относится к нам, что я считаю для себя праздниками быть с ним.

– Я это понимаю, и он этого вполне заслуживает. Только видишь ли, когда наша мать три года тому назад умирала, то, несмотря на мою молодость, знаешь, что она мне сказала? Знаешь ли, какие были ее последние слова? «Наблюдай за своей сестрой; меня не будет, а мужчине трудно знать и предвидеть многое, я знаю, что ты благоразумна не по летам, Надя. Я отдаю счастье Юлии в твои руки».

– Значит, – вскричала Юлия, бросаясь на шею своей сестре, – ты должна быть довольна, потому что я счастлива!

XI. Две сестры

Надежда Сергеевна в свою очередь поцеловала сестру и продолжала:

– Таким образом, моя дорогая, для твоего же добра я должна обратить твое внимание на одну черту в характере нашего отца, а то ты можешь попасть впросак... Если ты будешь предупреждена, то тебе легче будет избежать столкновения с этой чертой...

– Ты говоришь сегодня загадками. Говори яснее, если хочешь, чтобы я тебя понимала.

– Я буду ясна. Наш отец гордится своим именем; в обыденной жизни он не высказывает этой гордости, но она руководила, руководит и будет руководить им во всех важных случаях его жизни.

На минуту водворилось молчание.

Юлия стала взглядывать на сестру с видимым беспокойством.

– Зачем ты мне это говоришь? – спросила она.

– Потому что, живя вдали от отца, ты можешь не знать или, не придавать этому должного значения. Ты немного легкомысленна... Это свойственно твоему возрасту... Я тебя в этом не упрекаю... Видя, например, с какой приветливостью и утонченной любезностью наш отец принимает г-на Боброва, сына сельского дьячка, достигшего хорошего положения своим трудом и личными достоинствами, ты можешь подумать, что в глазах князя Облонского не существует никакой разницы между Виктором Аркадьевичем и другими знакомыми – из аристократического круга Москвы и Петербурга, которых он принимает в своем доме.

– Действительно, – с нескрываемой иронией отвечала Юлия, покраснев до ушей. – Было бы несправедливым не установить какую-нибудь разницу между ним и ими. Виктор Аркадьевич рисковал своей жизнью, спасая жизнь моему шурину, а твоему мужу. Мы все ему обязаны, и мы были бы неблагодарными, особенно ты, милая Надя, если бы не относились к нему с исключительным расположением.

– Ты совершенно права, – возразила графиня, все тем же спокойным тоном. – Я лично отношусь к нему с признательностью, которую ничто не уменьшит... С того дня, когда он спас жизнь моему мужу, он сделался... как бы моим братом, и мое расположение не изменится к нему... что бы ни случилось.

– Вот видишь...

– Но наш отец...

Юлия быстро перебила ее:

– То отличие, с каким он принимает его, хотя он и не принадлежит к аристократической семье, служит очевидным доказательством, что он ему не менее благодарен, чем мы.

– Наш отец, – продолжала Надежда Сергеевна, – относится к нему с глубокой признательностью и исключительным уважением. Если бы пришлось рисковать жизнью, чтобы спасти его, он бы это сделал без малейшего колебания. Если бы нужно было помочь деньгами, влиянием, поверить ему самые важные тайны, оказать ему серьезную услугу, он также бы исполнил все это, не колеблясь. Но...

– Но?

– Он бы не отдал за него свою дочь!

Юлия быстрым, невольным движением отшатнулась от сестры.

– Я не знаю, к чему ты все это мне говоришь? – холодно сказала она.

Голос ее дрожал. Графиня Ратицына взяла ее за обе руки, притянула к себе и пристально посмотрела ей в глаза.

– Жюли, – медленно спросила она, – можешь ли ты мне поклясться, что действительно не знаешь?

– Уверяю тебя...

- Смотри! Я не замечала тебя до сих пор во лжи...
- Что же ты, наконец, думаешь? – тоном, в котором звучали досада и плохо скрытое смущение, вскричала Юлия.
- Я буду думать то, что ты мне скажешь.
- Ты просто невыносима!
- Нет, я только люблю тебя. Я поклялась наблюдать за тобою... на меня напал страх, и я имею подозрения, я тебя предупреждаю – вот и все. Я говорю тебе: не иди навстречу несчастью.
- Какому несчастью?
- Несчастье любить и быть любимой безнадежно.
- Прежде всего, если он меня любит, то это не моя вина! – воскликнула молодая девушка.
- Нет, немножко и твоя. Любят только тогда, когда есть поощрение...
- Значит, ты поощряла графа Льва?
- Это мой секрет, – отвечала Надежда Сергеевна, улыбаясь.
- А если я тебе отвечу так же.
- Это будет признанием.
- Понимай, как знаешь.
- Значит, он тебя любит?
- Что же тут удивительного?
- Конечно, ничего. А ты любишь его?
- Право, не знаю.
- Но ты не уверена, что не любишь его?
- Господи! Что же ты хочешь, чтобы я ответила тебе, что я его ненавижу?
- Нет, я хочу, чтобы ты ответила мне только правду.
- Хорошо!.. Ну, я не люблю его...
- Этого довольно... теперь я спокойна... Но так как я к нему очень расположена и не хочу, чтобы он из-за тебя страдал – я должна предупредить его.
- Предупредить, в чем?
- В том, что ты не любишь его... чтобы он оставил всякую надежду на взаимность и уехал бы отсюда... для своей же пользы.
- Графиня поднялась с места.
- Не делай этого! – ухватила ее за руку Юлия. Она вдруг побледнела. Улыбка исчезла с ее лица.
- Глаза наполнились слезами.
- Надежда Сергеевна посмотрела на нее с нескрываемым беспокойством и снова села на скамейку, усадив и сестру.
- Несколько секунд длилось молчание.
- Ах, – сказала она, – вот чего я боялась. Ты его любишь!
- Да, да... – сквозь слезы почти простонала молодая девушка.
- И ты ему это сказала?
- Нет!.. Но...
- Он это знает?
- Я так думаю.
- Бедная моя! Это большое несчастье.
- Разве он не стоит, чтобы его любили? Разве ты можешь сказать что-нибудь против него? Разве сама ты не расположена к нему?
- Совершенно верно... Но отец никогда не согласится...
- Уж и никогда!.. Если все хорошенько попросят... Ты, он тебя всегда слушает... Твой муж... Я, наконец...
- Надежда Сергеевна задумалась.

– Я не хотела бы приводить тебя в отчаяние, но также не хочу поддерживать в тебе заблуждение, очнуться от которого было бы ужасно. Но я не думаю, чтобы что-нибудь могло заставить князя Облонского согласиться на то, что он называет «неравным браком» – une mésalliance.

В это время шум раздавшихся вблизи шагов прервал разговор двух сестер. Это были мужчины, кончившие курить и вышедшие прогуляться.

ХII. Наперсник

Старинный барский дом в Облонском был поистине великолепен. Это не только было прекрасное здание, могущее служить достоянием всякого богатого человека, – это был величественный, грандиозный памятник седой старины, красноречиво повествовавший всю внешностью о том, сколько жило в нем славных, доблестных русских вельмож. . .

Построенный на возвышенности, он господствовал над местностью, и из его окон открывался вид на долину, лес и реку.

Его архитектура, выдержанная в строго готическом стиле, была несколько однообразна и угрюма, но огромные асфальтовые террасы и резные балконы модного стиля, пристроенные уже впоследствии и украшенные цветами и редкими растениями, придавали ему оживление, не нанося, впрочем, ущерба его достоинствам как исторического памятника.

Весь наружный фасад был, кроме того, украшен статуями и барельефами, вышедшими из рук заезжих иностранных художников прошедших времен, забывших подписать свои имена на оставленных бессмертных произведениях.

Такие же статуи из мрамора были в цветнике, разбитом на отлогом спуске от дома к реке, и огромном парке с живописными тенистыми аллеями, зеленеющими лужайками, гротами и мостиками, перекинутыми через искусственные же пруды и каналы.

В старинной части дома сохранились нетронутыми комнаты с обстановкой, древность которой считалась веками, и обширная галерея, где по стенам были развешены портреты во весь рост разных поколений доблестных князей Облонских, ведших свой род от Рюрика. Все остальные княжеские апартаменты были меблированы с поразительной роскошью, могущей удовлетворить самый требовательный современный вкус.

Иностранцы, приезжающие в Москву, считают своей обязанностью посетить и осмотреть дом Облонских, как выдающийся памятник русской истории.

К вечеру дня нашего рассказа в Облонском ожидалось много гостей из Москвы, так как назначен был ежегодно даваемый князем летний бал.

Тотчас же после обеденной прогулки князь Сергей Сергеевич прошел в свой кабинет.

Эта большая и своеобразная комната помещалась в старинной части дома, имела круглую форму и освещалась тремя окнами, выходившими на восток, север и запад.

Три совершенно разные картины открывались перед взором из этих окон, прорезанных в толстых стенах и образующих как бы еще три маленьких комнатки, каждая глубиной в два аршина. С одной стороны темный лес тянулся, теряясь на краю горизонта, целое море зелени, колеблемое порывами ветра; с другой – поля, луга и длинная серебристая полоса реки; наконец, посередине, на довольно значительном расстоянии, мелькали церковь и избы села Покровского.

Стены этого обширного кабинета были заставлены частью книжными шкафами, а частью широкими турецкими диванами, утопавшими в мягких восточных коврах, покрывавших и паркет. Богатые красивые бархатные драпировки обрамляли окна и единственную дверь. У среднего окна, выходящего на север, стоял дорогой старинный письменный стол, заваленный журналами, газетами, визитными карточками и письмами. Все это лежало в изящном беспорядке.

В кабинете было, впрочем, несколько этажерок, уставленных всевозможными безделушками, *objets d'arts*³, которые скорее можно встретить в будуаре хорошенькой женщины, чем в кабинете мужчины, особенно в возрасте князя Облонского.

Не успел князь войти в кабинет и небрежно опуститься в большое вольтеровское кресло, как в комнату неслышною походкою вошел его камердинер Степан.

³ Произведение искусства (*франц.*).

Он имел тот же важный и серьезный вид, как и за обедом.

– Степан, – сказал ему князь, уже привыкший к подобной точности своего наперсника, – я сегодня утром гулял так долго недаром...

– Я понял это, ваше сиятельство. Что же, ваше сиятельство довольны встречей?

– Лакомый кусочек! Молодая девушка, почти ребенок... прелестная, очаровательная... волоса, как лен... чудные глаза.

Князь остановился.

– Ваше сиятельство изволили с ней говорить?

– Я провел с ней около часу.

– В таком случае, ваше сиятельство успели ей понравиться.

– Я так думаю.

– Когда же ваше сиятельство ее снова увидит?

– Если захочу, завтра утром.

– И вы пожелаете?

– Нет, не так скоро.

Степан, не изменив серьезного выражения своего лица, молча наклонил голову в знак одобрения.

– Не мешает заставить себя ждать, – продолжал князь.

Со стороны камердинера снова последовало молчаливое согласие.

– Заставить о себе думать... беспокоиться и потом показаться неожиданно. С женщинами только этим и возьмешь. Занимать их ум, возбуждать воображение – в этом все дело.

– Совершенно верно! – почтительно заметил Степан.

– Кроме того, у меня есть еще причина. Я хочу иметь более подробные сведения об этой молодой девушке, прежде чем что-либо предпринять. Я считаю ее вполне невинной, чрезвычайно целомудренной... но я могу ошибаться.

– Я весь к услугам вашего сиятельства. Вашему сиятельству стоит только сказать, о ком идет речь, чтобы я знал, как взяться за дело. Смею думать, что это не крестьянка?

Цивилизованный лакей произнес слово «крестьянка» тоном невыразимого презрения.

– Нет, ничуть не бывало! – отвечал князь со смехом. – Она дочь одной моей знакомой...

Степан весь проникся уважением.

– Знакомой! Но ты должен ее знать, Степан.

– По крайней мере, по фамилии я должен непременно ее знать, так как я не думаю, чтобы хоть одна фамилия знакомых вашего сиятельства не сохранилась навсегда в моей памяти.

– Эту ты ближе и лучше знаешь.

– Не благоугодно ли будет вашему сиятельству ее назвать?

– Это... Анжелы...

– Анжелика Сигизмундовна Вацлавская! – сказал Степан, выражая удивление настолько, насколько позволяла ему его обычная сдержанность.

– Она самая.

ХIII. Особое поручение

На минуту водворилось молчание. Выражение удивления на невозмутимом лице Степана быстро исчезло и заменилось скромной полуулыбкой.

– Таким образом, ваше сиятельство встретили знакомых, – спокойно сказал он. – Так как ваше сиятельство, как всем известно, находитесь в наилучших отношениях с Анжеликой Сигизмундовной.

Легкая тень пробежала при этих словах по лицу князя, и его губы сложились в чуть заметную ироническую улыбку.

– Действительно, я хорошо знаю даму, о которой ты говоришь, – заметил он, усмехаясь, – но дело идет не о матери, а о дочери.

– Ввиду положения молодой особы, я, осмелюсь заметить, не понимаю затруднения вашего сиятельства, – отвечал Степан тоном, как будто говорившим: «Я не понимаю, какую услугу могу оказать я, когда стоит только нагнуться, чтобы взять».

Князь понял заднюю мысль своего слуги.

– Тут-то ты и ошибаешься! Вопрос вовсе не так прост, как ты думаешь, по многим причинам.

Он посмотрел очень пристально на своего камердинера.

– Знал ли ты, что у Анжель есть дочь? – прибавил он.

– Не имел об этом ни малейшего понятия, ваше сиятельство.

– И никто об этом не знает?

– О, за это я ручаюсь, – самодовольно произнес Степан, – иначе бы я знал это первый.

– Это доказывает, что у нее есть особые виды на эту девочку.

– Которые не трудно отгадать, ваше сиятельство! Для женщины в положении г-жи Вацлавской, так искусно сумевшей составить себе состояние, хорошенькая молодая дочь может принести большую пользу, удвоив и даже утроив ее капитал.

– Да, – продолжал князь, – чем менее она известна, чем лучше воспитана, тем более ее появление в полусвете произведет впечатление, – прибавил он с насмешливой улыбкой.

Степан позволил себе тоже слегка улыбнуться.

– Вот этой-то мыслью я прежде всего и задался, и по поводу этого-то вопроса мне и нужны твои услуги.

– Я вас слушаю, ваше сиятельство!

– Еще раз повторяю, эта молодая девушка показалась мне совсем невинной и не имеющей ни малейшего подозрения, кто ее мать. Она упоминала ее имя с обожанием и самым глубоким уважением. Я хотел бы знать, действительно ли она такова и правда ли, что она не знает, от кого происходит, и, следовательно, не подозревает, какая будущность ее ожидает.

– Вашему сиятельству будут доставлены необходимые сведения.

– Мне показалось, – продолжал князь, – что она более или менее меня знала и ожидала нашей встречи... Ее мать приезжала сюда всего на два дня и уехала вчера.

– А! – произнес Степан, насторожив уши.

– Может быть, Анжель, зная о моем здесь пребывании, хочет мне навязать роль, которую я, если и возьму на себя, то, во всяком случае, сыграю по-своему и при условиях, какие я найду для себя удобными.

– Ваше сиятельство – охотник, – заметил Степан, – и желаете охотиться за дичью, а не стрелять домашних птиц, расставленных на вашем пути.

– Именно, Степан! – улыбнулся князь. – Мне нужны самые подробные и самые верные сведения. В случае же, если она, действительно, то, чем мне она показалась... то есть... если она ангел во плоти, то интересно было бы знать, кто те люди, у которых она живет, и на что

можно надеяться, и чего бояться со стороны ее няньки, имеющей ферму на опушке леса, близ Покровского.

– Я знаю эту ферму, я видел ее мимоходом, – отвечал камердинер.

– А ее обитателей?

– Мне о них не приходилось справляться.

– В какой срок ты можешь исполнить мое поручение?

– Я думаю, что в течение нескольких дней.

– Хорошо.

– Не будет ли от вашего сиятельства еще каких-либо приказаний?

– Нет. Впрочем, я должен тебя предупредить – действуй осторожно и умно. Чтобы мое имя не было упомянуто. Чтобы не могли догадаться, что ты действуешь по моему поручению.

– Ваше сиятельство может на меня положиться.

– Я особенно этого требую. Эта девочка воспитывается в одном пансионе с моей дочерью.

Они знают друг друга. Не нужно, чтобы княжна Юлия что-нибудь узнала. Если Ирена вернется после каникул в пансион, я возьму оттуда мою дочь. Не следует ей иметь подобных подруг, и я удивляюсь, как этот пансион, пользующийся такой прекрасной репутацией, допускает, чтобы благородные девицы находились в таком смешанном обществе.

– О, нечего бояться ее возвращения в пансион после каникул, если вашему сиятельству благоугодно будет вмешаться в ее судьбу, – заметил Степан.

– Это еще неизвестно, – сказал князь, внутренне польщенный комплиментом, заключавшимся в этом ответе слуги. – Мне не двадцать лет, я уже немолодой человек! Эта молодая девушка очень мила и, вероятно, мечтает о каком-нибудь юном Адонисе, подходящем ей по возрасту.

– Я позволю себе заметить, что никому не известен возраст вашего сиятельства... и что женщины всегда предпочитали вашу блестящую, неотразимую, вполне созревшую красоту фатовству и неопытной смелости или же глупой застенчивости молодых людей, и в борьбе с ними ваше сиятельство всегда оставались победителем.

– Да, да, я еще не совсем состарился и, признаюсь охотно будущей зимой появлюсь снова в петербургском свете, где меня стали забывать за последние два-три года, – пробормотал князь.

Лицо Степана озарилось довольной улыбкой.

– Давно пора, ваше сиятельство! – почтительно про изнес он.

– Я немного устал, мне все надоело... Все одно и то же... Те же успехи, те же создания, которые знаешь наизусть прежде, нежели успеешь к ним присмотреться... Здесь же это что-то другое, что-то новое... если я не ошибаюсь, соединение невинности с необыкновенной красотой...

Князь встал с кресла. Глаза его блестели, лицо как будто помолодело. Он казался совершенным юношей.

– Действуй, Степан, действуй, и как можно скорее! – весело сказал он своему камердинеру.

Тот почтительно поклонился и вышел. Оставшись один, князь на минуту задумался.

– Черт возьми! Неужели я промахнусь?

Он раза два прошелся по своему обширному кабинету.

– Право, – продолжал он, – это было бы прелестно. Не только то, что Ирена очаровательна, но мне еще удалось бы воспрепятствовать планам ее матери, какие бы они ни были, и, кроме того, отомстить ей... Это должно быть так! Это так и будет.

XIV. Бал в Облонском

Вечеру в Облонском собралось множество гостей.

Дом достаточно обширен, чтобы оказать гостеприимство многочисленным московским друзьям князя Сергея Сергеевича.

Громкая фамилия Облонских, все еще громадное состояние, несмотря на то, что значительная часть его была истрачена на женщин, лошадей и карты, служили причиной того, что вся московская аристократия считала своим долгом и даже честью присутствовать на деревенских праздниках, в устройстве которых князь Облонский выказывал столько роскоши и вкуса.

Уже начиная с сумерек к подъезду дома стали вереницей подъезжать изящные экипажи, привозившие целые семьи – мужчин во фраках, дам и девиц в бальных нарядах.

Ровно в девять часов открылся бал в огромной зале, уставленной массой цветов и тропических растений.

Если бал имеет важное значение для всякой женщины, не отказавшейся еще от надежды нравиться, то он настоящее поле сражения для любимой и любящей женщины, для той, которая спрашивает себя в волнении перед зеркалом:

– Останусь ли я в его глазах самой красивой? Не заменит ли меня другая в его сердце, хотя бы на минуту?

Всякая молодая женщина, если только она откровенна и не захочет перед вами пококетничать, скажет, что бал играет важную роль в ее жизни.

Отсюда становится вполне понятным волнение княжны Юлии в ту минуту, когда она, стоя перед зеркалом, бросила на себя последний взгляд и обратилась к своей горничной с последним приказанием.

Мы обязаны добавить, что для нее это был первый большой бал – она должна была первый раз появиться в свете; в первый раз приходилось ей показывать свою обнаженные плечи, в первый раз надевать строго обдуманного наряда, в котором женщина должна быть уже совсем некрасивой, неуклюжей, чтобы показаться неинтересной.

Княжна Юлия была прелестна в своем белом платье, вышитом жемчугом и украшенном простой гирляндой живых роз, начинавшейся на левом плече, пересекавшей весь лиф и терявшейся в складках шелкового, затканного цветами шлейфа.

Несмотря на свои восемнадцать лет, она была уже вполне сформировавшейся женщиной: высокого роста, с изящным очертанием стана и грациозной шеей.

Ее хорошенькая головка, глубокий взгляд, несколько строгий профиль, немного смуглый цвет матовой кожи ручались за успех, о котором она мечтала и который заранее ее волновал, покрывал обыкновенно бледные щеки легким румянцем. Небольшая нитка жемчуга на шее, две большие жемчужины в маленьких ушках, золотой гладкий браслет на левой руке поверх длинной белой перчатки довершали ее наряд.

В ее черных волосах, высоко приподнятых на затылке и низко спускающихся на лоб, вместо всякого украшения была приколотая живая роза.

– Вы прелестны, барышня, – заметила горничная, – и одержите сегодня вечером много побед!

Яркий огонек блеснул в темных глазах молодой девушки.

«Много побед» для нее означало: «Я понравлюсь Вите».

Если она вслух еще говорила «Виктор Аркадьевич Бобров», то про себя давно уже звала его полуименем.

– Как ты меня находишь? – быстро обернулась она к своей старшей сестре, вошедшей в эту минуту, чтобы сопровождать ее в бальную залу.

– Ты положительно очаровательна! – отвечала Надежда Сергеевна, целуя её. – Повернись, чтобы я могла осмотреть твой туалет.

Юлия медленно повернулась, не спуская глаз со своей сестры, стараясь прочесть на ее лице впечатление, производимое ее костюмом.

– Все отлично! – решила графиня. – Ты чудесно одета, платье так хорошо сидит на тебе.

– Ты меня успокоила! – воскликнула радостно молодая девушка. – А то, знаешь ли, мне было как-то неловко и ужасно страшно.

– Всегда бывает немножко страшно. Я знаю это по себе. К этому скоро привыкаешь.

– Без тебя я ни за что бы не решилась переступить порог залы, – заметила Юлия.

При этих словах она взглянула на свою сестру с внезапно охватившим ее инстинктивным беспокойством.

«А что, если Надя будет лучше меня?», – мелькнуло в ее голове.

Простота наряда графини Ратицыной ее успокоила.

Ее черное бархатное со вкусом сшитое платье красиво оттеняло белизну ее матовой кожи, но не бросалось в глаза, как и красота молодой женщины, к которой надо было присмотреться, чтобы оценить ее.

– Пойдем! – сказала графиня.

Через несколько минут они уже входили в огромный блестящий зал.

Нервная дрожь пробежала по телу молодой девушки.

Первый взгляд, который она почувствовала на себе и заставивший ее вздрогнуть, принадлежал Боброву, стоявшему у самой двери и с волнением ожидавшему выхода молодой девушки.

Их глаза встретились. Они поклонились друг другу издали. Он не подошел к ней тотчас же, ожидая минуты, когда она останется одна.

Это вскоре и случилось, так как графиня Ратицына исполняла обязанности хозяйки дома на балу у своего вдовствующего отца.

Не успела она отойти от сестры, как Виктор Аркадьевич был около последней.

Он наклонился к ней и прошептал:

– Вы обворожительно хороши!

Она бросила на него наивно-благодарный взгляд своих чудных глаз.

Эти слова настолько придали ей бодрости, что она сразу почувствовала себя царицей бала.

Она больше ничего не боялась.

Ее окружили, и она слышала вокруг себя восторженные восклицания.

При каждом новом комплименте, при каждом доказательстве ее торжества она обращала свои взоры в сторону молодого технолога, как бы молчаливо говоря ему: «Только тебе одному я хочу нравиться. Доволен ли ты мной?»

Он стоял в некотором отдалении и угрюмо, как всякий искренно любящий человек, слушал и досадовал, что другие, посторонние лица громко выражают то же чувство восторга, какое испытывает он сам.

Начались танцы.

Княжна Юлия открыла бал со своим шурином, графом Ратицыным.

Владимир, несмотря на свою обычную апатию, увидев в первый раз сестру своей жены в полном блеске ее юной красоты, не спускал с нее взгляда, смущавшего и заставлявшего краснеть молодую девушку.

Этот взгляд тем более удивлял Юлию, что придавал лицу мужа ее сестры совершенно новое, незнакомое ей выражение.

Его обыкновенно мутные, бесцветные глаза блестели темным огоньком, в них мелькнуло, может быть, совершенно помимо его воли, что-то вроде животной страсти. Это инстинктивно взволновало молодую девушку, и ей вдруг стало стыдно за свою полуобнаженность.

Бобров не танцевал. Прислонясь к косяку одной из дверей залы, он смотрел на танцующих, или, вернее, на Юлию.

Последняя заметила это и тотчас же забыла своего шурина, перестала чувствовать на себе его неприятный взгляд и стала танцевать только для Виктора, как она мысленно говорила себе.

Она не могла, впрочем, не обратить внимания на грустное, совершенно не гармонирующее с бальной обстановкой выражение мужественного, не совсем правильного, но чрезвычайно выразительного лица Виктора Аркадьевича.

Он, казалось, страдал. Она даже заметила, что в глазах его раз или два мелькнул злобный огонек.

«Уж не на меня ли он сердится?» – пронеслось в ее голове.

«Почему он кажется несчастным и раздраженным, когда она была так хороша... и когда он должен чувствовать себя любимым, следовательно, счастливым?» – продолжала думать она.

По окончании вальса Юлия в сильном беспокойстве села около своей сестры.

При первых звуках ритурнеля кадрили Бобров подошел к ней.

Первая кадрили была обещана ему.

Они отправились занять место.

Он не говорил ни слова.

Она начала первая.

– Вы грустны сегодня... Что с вами?

– Мне действительно тяжело! – тихо и взволнованно произнес он.

– Отчего?

– Оттого, что вы так хороши... а я принужден скоро с вами расстаться.

– Расстаться... скоро! – с расстановкой, вопросительным тоном сказала она.

– Завтра я уезжаю... я возвращаюсь в Петербург.

– Но вы должны были пробыть здесь целый месяц, а не прошло еще двух недель...

– Это необходимо!

– Почему?

– Потому что... потому что я люблю вас... – с усилием проговорил он.

– А, вот почему...

– Да... я дал слово... я должен!

– Вы дали слово? Вы должны? – подняла она на него вопросительно-недоумевающий взгляд.

Он был страшно бледен.

– То был прекрасный сон... – продолжал он. – Настало пробуждение. Сон был непродолжителен, но он наполнил всю мою жизнь...

– Я вас не понимаю! – прошептала она. – Кому вы дали слово? Почему вы должны?..

– Этого требует ваша честь и мое собственное достоинство.

– Но что же случилось?

– Я дал слово не говорить...

– Даже мне?

– Вам в особенности.

– Но если я вас буду просить, умолять...

Он, видимо, колебался, но взгляд молодой девушки выражал такую непритворную скорбь, что он не мог отказать ей.

– Графиня Надежда Сергеевна говорила со мной...

– А! И что же она вам сказала?

– Она дала мне понять, что вы дочь князя Облонского и что ваш батюшка никогда не одобрит... мои чувства к вам, как бы ни были честны мои намерения... – глухим голосом сказал он.

– По этой-то причине вы и уезжаете?

– Что бы вы сделали на моем месте?

– Я поступила бы точно так же, как вы! – отвечала она после минутного раздумья, с глазами, полными слез.

– Вот видите! – с необычайным волнением и дрожью в голосе продолжал он. – По окончании бала мы расстанемся. Завтра в это время я уже буду далеко и увезу с собой воспоминание, которое ничто не изгладит. Простите меня, если я позволил себе забыть перед вами свое ничтожество... и забудьте меня...

– А вы меня забудете?

– Никогда! Я вам уже это сказал.

– Зачем же вы хотите, чтобы я вас забыла?

– Потому, что все нас разделяет, а главное, потому, что я не хочу, чтобы вы страдали так же, как я...

Она молчала. Грудь ее высоко поднималась от прерывистого дыхания.

– Еще одна маленькая просьба! – сказал он ей.

– Какая?

– Не танцуйте больше сегодня вечером с графом Ратицыным.

Юлия посмотрела на него с удивлением.

– Почему?

– Он мне друг! – с тоской в голосе продолжал он. – По крайней мере насколько может быть им граф для такого ничтожного смертного, как я. Но... мне не нравился его взгляд, устремленный на вас... в характере вашего шурина есть черты, которые никто не знает...

– Я вас не понимаю! – пробормотала она, припомнив то чувство неловкости, которое испытала она, танцуя с графом, и выражение лица Боброва во время этого танца.

– Вы и не можете меня понять, – отвечал он, – один только горький жизненный опыт дает печальное пре имущество многое угадывать... Я бы хотел ошибаться... но едва ли...

– Мне не нужно понимать... – сказала она. – Вы желаете... и этого довольно...

– Благодарю вас, – прошептал он, пожимая ей руку и ощущая ответное пожатие.

Кадриль окончилась.

Он под руку отвел княжну Юлию на ее место.

XV. Письмо

На другой день, в десять часов утра, когда в доме еще отдыхали после бала, окончившегося очень поздно Виктор Аркадьевич уехал из Облонского в Москву с утренним поездом.

Он оставил на имя князя Сергея Сергеевича письмо в котором извинялся за свой внезапный отъезд, происшедший вследствие полученной будто бы им телеграммы, призывавшей его немедленно в Петербург.

За четверть часа до его отъезда горничная княжны Юлии передала ему запечатанный конверт без адреса заключающий в себе следующее письмо:

«Вы уезжаете, Виктор Аркадьевич, и я вас понимаю. Во время бала, вследствие моего смущения, я ничем не сумела вам сказать, но я не хочу, чтобы вы уехали с мыслью, что я равнодушно отношусь к вашему отъезду.

Не думайте также, что вы один будете страдать и что я ранее забуду вас, нежели вы меня. Мое поведение относительно вас, это мое к вам письмо – все это сочтено было бы моими родными и светом, если бы они это узнали, за преступление, но я полагаюсь на вашу честь, и мне кажется, что я вас не любила бы и вы не любили бы меня, если бы я не могла верить вам, доверяться вам во всем и всегда.

Ваша вчерашняя бледность, ваши с трудом сдерживаемые слезы, дрожь в голосе при прощании со мной – все это меня невыносимо терзало.

Можно ли видеть страдания человека, которого любишь и которым любима, и еще думать об осторожности – у меня не такое сердце.

Если бы я была на вашем месте, я бы попросила слова утешения, доказательства любви, какого-нибудь обещания. Посылаю вам это слово, даю вам это доказательство и обещание, хотя вы их у меня и не просили.

Я не знаю, как мы победим разделяющие нас препятствия и во сколько времени, но я знаю только одно, что никогда ни за кого не выйду замуж, кроме вас. Если нужно ждать – я буду ждать.

Взгляды моего отца, может быть, когда-нибудь и изменятся.

Вы человек достойный и, без сомнения, скоро достигнете такого положения, которое заставит поколебаться гордость князя Облонского.

Я также принадлежу к этому роду, в моих жилах течет его гордая, благородная кровь, неспособная на какую-либо низость. В нашей семье никогда не изменяли своему слову – я же вам дала свое.

*Не говорю прощайте, а говорю: верьте, надейтесь, как верит и надеется
Ваша навек
Юлия».*

Письмо это было, без сомнения, большой неосторожностью со стороны молодой девушки, если бы не было адресовано к Виктору Аркадьевичу Боброву.

К счастью писавшей его, адресат был его достоин.

Только тот, кто никогда не любил, не поймет радости молодого человека при чтении этого письма. Оно превышало все его надежды, печальный час разлуки с любимым существом вдруг стал для него радостным и счастливым.

С первой же встречи с княжной Юлией он полюбил ее, а его натуре дана была способность любить только один раз.

Это было три года тому назад, в то самое время, когда, рискуя своею жизнью, он спас чуть не утонувшего графа Ратицына, которого лошадь сбросила в реку. Погибавший увлек было

его за собою в воду. Произошла страшная борьба, полная ужаса, при которой присутствовала княжна Юлия.

С той поры и она поняла, что любит этого человека, хотя увлечение им началось и ранее, но Юлия не отдавала себе настоящего отчета в своем чувстве. Момент, когда Бобров совершил на ее глазах геройский поступок, доказал все.

Вследствие этого эпизода положение Боброва, приглашенного в Облонское в качестве технолога, совершенно изменилось – он сделался другом дома. О нем иначе не говорили в этой семье, как с восторженной похвалой, а потому нет ничего удивительного, если в пылком сердце юной пансионерки выросла любовь, посеянная ранее.

Разлука и время не сокрушили их чувства. Несмотря на то, что они виделись лишь раз в год, оба они, не говоря еще об этом ни слова, уже понимали, что любят друг друга и будут любить вечно.

Это было для них обоих вполне ясно.

Графиня Надежда Сергеевна и не подозревала настоящих отношений молодых людей. При первых же ее словах Бобров сумел выказать столько самолюбия, что она почти успокоилась.

Он, действительно, был крайне самолюбив, самолюбив до щепетильности – общий недостаток людей, вышедших из народа и сознающих свои достоинства и способности. Кроме того, он слишком любил княжну Юлию, чтобы не отступить при мысли причинить ей страдание.

С той минуты, как брак с ней оказался невозможным, не обязан ли он был удалиться? Не должен ли он скорее умереть с горя, нежели поддерживать своим присутствием чувство, могущее сделать несчастной любимую девушку? О борьбе против предрассудков, воли родных, о возможности терпеливо ожидать лучших дней он и не думал.

Благодарные и радостные слезы оросили письмо княжны, и Виктор Аркадьевич с доверчивою улыбкой прошептал:

– Жюли, я твой, твой навсегда.

Станция железной дороги была всего в двух верстах от Облонского, лесом же еще ближе. Бобров избрал последнюю дорогу и пошел пешком, с одной дорожной сумкой через плечо. Его вещи должны были прибыть в Москву на следующий день.

На повороте дороги по аллее, ведущей к опушке леса, он столкнулся с молодой девушкой, которая при виде его испуганно бросилась в сторону и скрылась между деревьями.

Ее головка с выражением волнения и испуга на лице была слишком хороша, чтобы быть незамеченной мужчиной, но для Виктора Аркадьевича существовала в мире только одна женщина – княжна Юлия, а потому он и прошел мимо, не оборачиваясь и не стараясь разглядеть незнакомку.

Эта девушка была Ирена.

Она пришла на то место, где встретила князя Сергея Сергеевича, в надежде на свиданье, которое он ей, как, по крайней мере, ей показалось, назначил.

После долгого и напрасного ожидания сердце ее вдруг сильно забилося при звуке шагов, направлявшихся в ее сторону. Оно так больно сжалось, когда она увидела свою ошибку.

Воображение Ирены после виденного ею странного сна, разговора с матерью и встречи с князем Облонским построило целый роман. Постоянное одиночество, детство, прошедшее в деревенской глуши, замкнутая жизнь пансиона, отсутствие ласк матери, видевшейся с ней чрезвычайно редко, домашнего очага, у которого потребность нежности молодой души находит исход и обращается в обыкновенное явление, – все это развило в Ирене сильную способность любить, сделав ее мечтательной, до крайности впечатлительной и приучило жить воображением.

Роман, созданный молодой девушкой, был очень несложен и доказывал чистоту ее невинной души.

Сообразив все обстоятельства последних двух дней, она пришла к убеждению, что ее мать уже выбрала ей будущего мужа и что этот избранник ее матери – князь Облонский.

Все в ее глазах это доказывало.

«Разве князь не сказал ей, что хорошо знает ее мать? – рассуждала сама с собой молодая фантазерка. – Разве Жюли не рассказывала своему отцу о пансионской подруге? Из этого ясно, что князь говорил о ней с ее матерью.

Если же мать не указала прямо на князя, – продолжала соображать она, – то, вероятно, с целью убедиться, понравится ли она ему, а он ей.

Моя мать, – думала Ирена, – знала его обыкновение ежедневно прогуливаться в той части леса, куда и повела меня в день своего отъезда, чтобы ускорить свиданье.

Наконец, – приводила молодая девушка аргумент, казавшийся ей неотразимым, – во сне, в котором она видела себя в роли невесты, ее жениха называли князем, а сам жених как две капли воды походил на князя Облонского».

В этом поразительном сходстве, созданном ее воображением, она не сомневалась.

Она припоминала смущение матери, когда она рассказывала ей виденный сон.

Этого было совершенно достаточно, чтобы юная пансионерка окончательно убедилась, что князь Облонский ее суженый и к тому же избранник ее матери.

К этому убеждению присоединилось и серьезное увлечение князем со стороны Ирены.

Она полюбила его с первой встречи.

Такая быстрая победа над сердцем человека значительно старшего совсем не так неправдоподобна и не так редко случается, как можно было бы предполагать, особенно при внешних качествах победителя, какими всецело обладал Сергей Сергеевич. Когда Ирена рассталась с князем после первого разговора, она была на седьмом небе.

Она любила и считала себя любимой. Няне Ядвиге она не проронила ни слова о встрече в лесу, решившись не писать об этом и матери.

Он просил об этом – и этого было достаточно. Первое удовольствие любви – это хранить тайну до того дня, когда в порыве страсти явится потребность громко, при всех назвать имя любимого существа. Кроме того, Ирена заранее воображала радостное удивление своей матери, когда она скажет ей: «Я люблю того, кого ты мне выбрала в мужья, и он любит меня».

День после встречи с князем промелькнул для нее, как сон.

«Завтра я снова увижу его!» – думала она.

Анжелика Сигизмундовна, быть может, и обратила бы внимание на странный блеск глаз молодой девушки и ярко вспыхивающий румянец ее щек, но Ядвига заметила только, что Ирена не вспоминает мать и, кажется, не скучает, и была очень довольна.

Всю ночь Ирена не сомкнула глаз, мечтая и строя планы, один другого заманчивее.

Задремала она только под утро, на каких-нибудь полчаса, и тотчас же проснулась при мысли, что князь ее ждет, что ей пора идти на свиданье.

Она быстро оделась и пошла в лес той же, теперь ставшей милой ее сердцу, тропинкой.

Было еще очень рано.

Дойдя до лужайки, на которой она очнулась от обморока и увидела над собой колено-преклоненного Облонского, она стала ждать.

Часы бежали. Косая тень от деревьев мало-помалу становилась перпендикулярнее, гармоническое щебетание птиц, приветствовавших новый теплый солнечный день, сменилось томительным безмолвием полудня.

Князь не пришел.

Никто, кроме прошедшего на станцию железной дороги Виктора Аркадьевича Боброва, не прошел мимо сгоравшей нетерпением ожидания молодой девушки.

Когда она вернулась, наконец, на ферму, то была так бледна, расстроена и утомлена, что Ядвига разбрала ее за продолжительную прогулку и уложила в постель.

Ирену трясло, как в лихорадке.

Расчет князя оказался верен. Почти целую неделю ежедневно приходила она на то же место в лесу и ждала, но ждала напрасно.

Он не приходил.

Когда же, наконец, она услышала его всем ее существом угаданные шаги, то от волнения должна была прислониться к дереву, чтобы не упасть.

При виде же подошедшего к ней князя Облонского она едва не потеряла сознание и пошатнулась, но он вовремя поддержал ее.

XVI. Дочь тайны

Не подозревая той опасности, которой подвергается ее дочь, Анжелика Сигизмундовна Вацлавская сидела в своем роскошном будуаре и переживала недавнее свидание с дочерью. Мысль, что ее дочь уже взрослая девушка, перенесла Анжель к воспоминаниям ее молодости, и по роковой игре судьбы одним из героев далекого прошлого Вацлавской был тот же князь Облонский, покоровший теперь сердце Ирены.

Картины минувшего неслись перед духовным взором Анжелики Сигизмундовны.

Неуклюжая, некрасивая девочка, с угловатыми манерами, всегда глядевшая исподлобья своими прекрасными, большими, черными, как смоль, глазами, – единственным украшением ее смугло-желтого, худенького личика, с неправильными чертами – такова была тринадцатилетняя Анжелика.

С первого взгляда можно было безошибочно определить, что ее родина – далекий юг, с палящими лучами его жгучего солнца.

Она и была итальянкой.

Ее появление в доме графа Николая Николаевича Ладомирского, известного варшавского богача и сановника, в конце шестидесятых годов, после последней его заграничной поездки, которые он до тех пор предпринимал ежегодно для поправления своего расстроенного служебными трудами здоровья, истолковывалось в обществе на разные лады.

Злые языки таинственно утверждали, что она была дочь самого графа и итальянской певицы, приводившей, лет пятнадцать тому назад, в продолжение двух сезонов в неописуемый восторг варшавских меломанов, блиставшей молодостью и красотой и не устоявшей будто бы против ухаживания графа, тогда еще сравнительно молодого, обаятельно-блестящего гвардейского генерала.

Граф и теперь еще был красивым стариком.

Эта великосветская сплетня находила себе некоторое подтверждение в совпадении времени отъезда певицы и начала ежегодных заграничных путешествий графа, а также появления маленькой итальянки в его доме с известием о смерти знаменитости, вскоре после варшавских гастролей удалившейся со сцены.

Другие варьировали то же самое тем, что сообщали, что этот ребенок был только ловко приписан графу, и даже указывали на одного бывшего представителя золотой варшавской молодежи как на настоящего отца девочки.

Домашние графа – его жена графиня Мария Осиповна, далеко еще не старая женщина, с величественной походкой и с надменно-суровым выражением правильного и до сих пор красивого лица, дочь-невеста Элеонора, или, как ее звали в семье уменьшительно, Лора, красивая, стройная девушка двадцати одного года, светлая шатенка, с холодным, подчас даже злобным взглядом зеленоватых глаз, с надменным, унаследованным от матери выражением правильного, как бы выточенного лица, и сын, молодой гвардеец, только что произведенный в офицеры, темный шатен, с умным, выразительным, дышащим свежестью молодости лицом, с выхоленными небольшими, мягкими, как пух, усиками, – знали о появлении в их семье маленькой иностранки лишь то небольшое, что заблагорассудил сказать им глава семейства, всегда державший последнее в достойном страхе, а с годами ставший еще деспотичнее.

Он считал за нужное сообщить им, что привезенная девочка – сирота, дочь друга его юности и знаменитой итальянской певицы, потерявшая в один месяц отца и мать, по последней воле которых он и принял над ней опеку, и что она имеет независимое состояние. Зовут ее Анжеликой Сигизмундовной.

– Я прошу обращаться с ней, как с членом нашей семьи! – заключил граф это свое короткое объяснение.

Просьбы графа были для всех, как он сам любил выражаться, деликатными приказаниями.

Нет сомнения, что и на этот раз его просьба была исполнена, но чисто с формальной стороны. Туманное облако, густо заволакивавшее прошлое появившейся в доме девочки и далеко не рассеянное шаблонным объяснением графа, образовало неизбежную натянутость между таинственной пришлицей и приютившей ее семьей.

Лучше всего это выразилось в отношениях самой Анжелики к членам графского семейства по истечении года жизни в их доме.

Лору она ненавидела, к графине относилась презрительно, к графу равнодушно. Молодая графиня также питала к ней антипатию, может быть, она замечала злобные взгляды маленькой итальянки, когда Лора, не стесняясь ее присутствием, называла ее матери «чернушкой».

Покровительственно-ласковое отношение к ней Марьи Осиповны было ей невыносимо. Она стискивала зубы, когда графиня при муже гладила ее по голове и уговаривала перестать быть такой дикой. Граф не обращал на нее внимания, и она была ему за это благодарна.

С Владимиром она вела себя странно. Он дружелюбно говорил с ней, без покровительственного вида, который ее так раздражал, большею же частью он, как и отец его, не обращал на нее внимания, иногда только, от нечего делать, дразнил и мучил, как маленького зверька. За несколько ласковых слов Владимира Анжелика готова была сделать для него все, что бы он ни пожелал. Он не знал, чья рука приготавлила ему газету, когда он приходил откуда-нибудь домой, и ставила на место ящик с сигарами, сунутый им куда-нибудь в угол; не знал, что пара черных глаз следила за каждым его движением, чтобы подать ему желаемое. Он не обращал внимания на множество мелких услуг, оказываемых ему Анжеликой, а между тем эта девочка привязалась к нему, как собака, и по одному его знаку готова была броситься в огонь и воду.

Он безжалостно дразнил ее иногда, и в эти минуты она забывала свою преданность ему.

Ее маленькие ручки сжимались, глаза сыпали искры, и она, казалось, готова была броситься и растерзать его.

Был еще человек, к которому она относилась хорошо, – это Александр Михайлович Ртищев, товарищ Владимира по полку.

Напрасно дразнил его последний, говоря, что он неравнодушен к интересной дикарке. Ничего подобного не было. Анжелика заинтересовала его как исключительная, оригинальная натура. Он решил узнать ее ближе и добился того, что она довольно охотно говорила с ним. Он открыл в ней недюжинный ум и прекрасные стороны характера, которых никто в ней не видел, так как она, кроме угрюмости, скрытности и даже злобы, ничего не выказывала.

Анжелика стеснялась говорить с графом Владимиром, но с Александром Михайловичем она свободно высказывала свои мысли.

К интересу Ртищева примешалась жалость к бедной девочке, у которой не было ни одного человека, который бы любил ее, но последнего чувства он никогда не выказывал ей; она была слишком горда, чтобы переносить сожаление других. Нередко она, доведенная до страшного раздражения выходками Лоры, не выходила ни к завтраку, ни к обеду. Она сидела в своей комнате с сухими, пылающими глазами, со сжатыми руками, олицетворяя злобу всем своим существом. Между тем, характер у нее был не злой; все эти вспышки гнева происходили от того, что у дочери итальянской певицы было не меньше самолюбия и гордости, чем у графини Ладомирской.

Несмотря на свою молчаливость, она редко оставляла без ответа какую-нибудь колкость Лоры, и поэтому немудрено, что молодая графиня так желала удаления ее из дома.

Странно, что, несмотря ни на какие оскорбления и горести, Анжелика никогда не проронила ни одной слезинки. Ее великолепные глаза могли сверкать гневом и ненавистью, но не могли проливать слез гнева и обиды.

Уже год с лишком прожила Анжелика в доме графа.

В квартире Ладомирских царила какая-то невозмутимая тишина.

Анжелика мимоходом остановилась на пороге гостиной и, увидев Ртищева, сидевшего в кресле, а графа Владимира спящего в другом, на цыпочках подошла к Александру Михайловичу и поздоровалась с ним.

– Где все? Уехали? – отрывистым шепотом спросила она.

– Графиня Лора с Дмитрием в голубой гостиной, – также тихо ответил он ей.

Дмитрий, или Дмитрий Петрович Раковицкий, был товарищ по полку Ртищева и Владимира.

Она задумчиво постояла несколько минут, подняла упавшую газету Владимира и села на стуле у окна.

– Что с вами сегодня опять, Анжелика Сигизмундовна? Вы нездоровы? – спросил Александр Михайлович, всматриваясь в унылое личико девочки.

Ее тонкие брови сдвинулись, губы дрогнули, и она отрицательно покачала головой.

– Так, значит, с той стороны? – кивнул он по направлению к голубой гостиной.

– Да, – гневно прошептала девочка, – она опять мучила меня все утро. О, когда-нибудь я отомщу ей за все! – добавила она с жестом, не предвещавшим ничего хорошего.

В ту минуту Владимир проснулся и, с удивлением взглянув на нахмуренное лицо Анжелики, зевая, сказал:

– Однако я, кажется, крепко заснул! А вы что тут делаете? Анжелика смотрит так, как будто собирается меня проглотить, – пошутил он и, снова зевнув, встал с кресла.

– Который час?

Прежде чем Ртищев успел вынуть свои часы и от ветить ему, Анжелика была уже в столовой и сказала оттуда:

– Три часа!

– Как поздно. Мне пора домой. Дмитрий! – крикнул Александр Михайлович. – Не пора ли ехать?

– К твоим? – отвечал Раковицкий.

Услышав шаги Дмитрия Петровича и Лоры, Анжелика быстро выскользнула из комнаты. Владимир и Александр засмеялись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.